

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Министерства

Просвещения

РСФСР

Москва

1961

Ершич Чеповецкий

Приключения

шахматного солдата пешкина

Рисунки
А. Елисеева и Ч. Скобелева

P 2

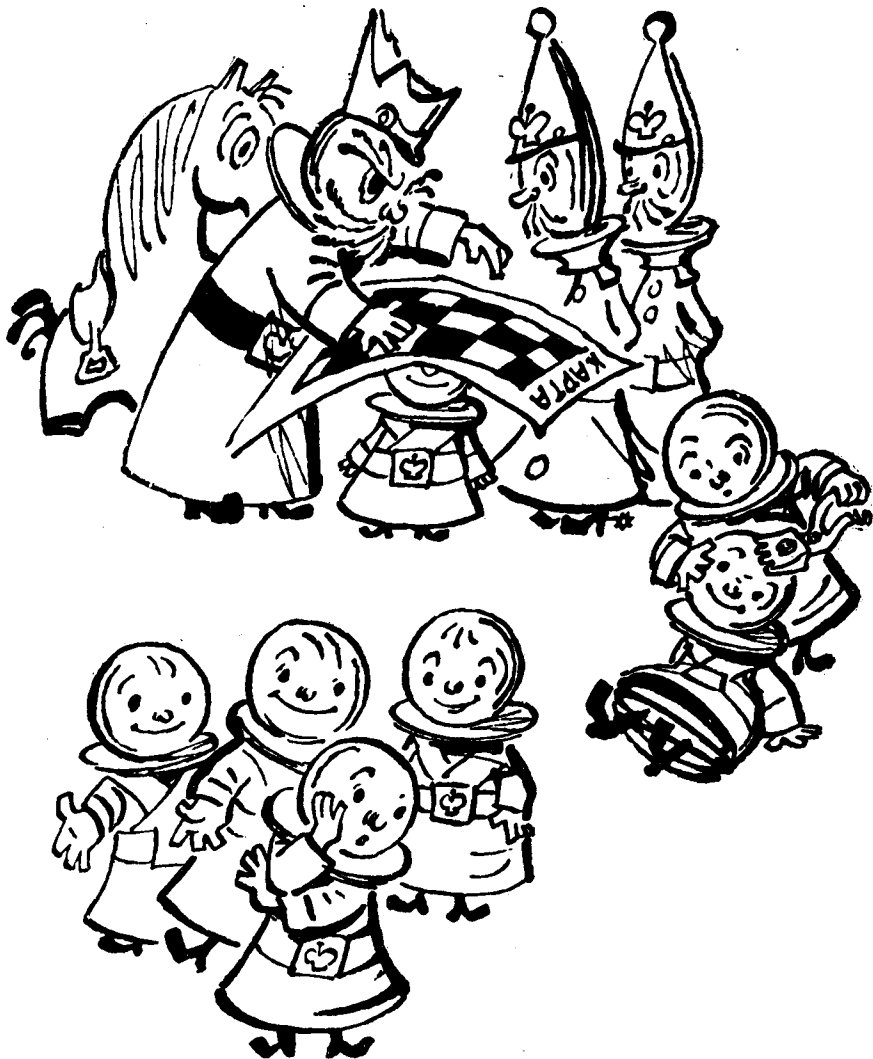
У 44

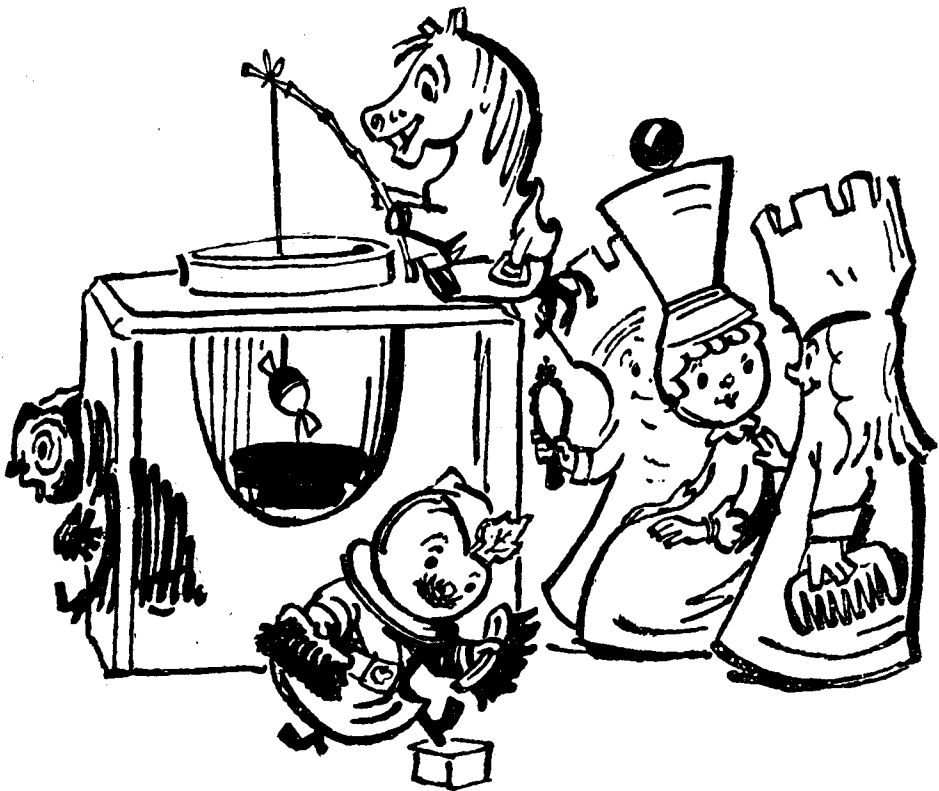
ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В этой сказке герои не совсем обычные. Например, главный герой — деревянная пешка. Но если вы думаете, что наш герой может передвигаться только по шахматной доске, то вы ошибаетесь. Знаменитый шахматный воин, храбрый и самоотверженный солдат Пешкин готов сражаться за правду и совершать добрые дела везде и всегда. Вот об этих-то добрых делах и написана сказка.

Действие сказки происходит в шахматном царстве-государстве, где есть свои строгие правила и даже свой особенный язык. В этом государстве у солдата Пешкина много верных друзей: славная девочка Маша-Ромаша, чижик, по имени Пыжик, храбрый мышонок Пик, сосновый солдат Новичок. Но есть и враги: паук Лапоног, коварный кот Василий, чёрный король Смоль и его подданные.

В общем, героев в сказке много, а приключений ещё больше. Так не лучше ли всё рассказать по порядку?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О тех, кто жил на письменном столе Коли Пыжикова

На столе школьника Коли Пыжикова, как и на всяком письменном столе, стояли разные вещи. Когда людей в комнате не было, они оживали, беседовали между собой и решали всякие важные вопросы.

Конечно, не каждый мог это видеть. Для того чтобы подглядеть, как оживают вещи, нужно знать, откуда и как на это дело смотреть.

На столе было множество разных предметов, но только некоторые из них заслуживали особого внимания.

Например, глобус. Этот житель стола считал себя великим всезнайкой и знаменитым путешественником. Не было на земном шаре ни одного материка, ни одной страны и даже маленького острова, где бы он не побывал, потому что все они были нарисованы прямо на нём.

Старинный чернильный прибор очень гордился своим благородным происхождением. Однако вёл он себя весьма странно. Стоило опустить ручку в одну из чернильниц, как та немедленно начинала плевать кляксами и при этом никогда не просила прощения. Зелёное сукно, которым был обит стол, напоминало фотографию обратной стороны Луны со всякими неизведанными морями, вулканами, горами и пустынями, и чернильницы считали это своей личной заслугой. Короче, каждый гордился чем мог.

Но наибольшим уважением здесь пользовались шахматы.

Дело в том, что Коля Пыжиков собирался стать шахматным чемпионом. Он очень завидовал Ботвиннику, Смыслову, Талю — самым знаменитым шахматистам, но сыграть с ними партию-другую ему так и не пришлось: как-то не выпадало свободного времени.

Зато со своим соседом, Петей Петушковым, он сражался ежедневно. При этом оба игрока делали такие замысловатые ходы, что даже шахматные короли теряли головы.

У шахмат Коли Пыжикова была нелёгкая жизнь. О ней следует рассказать отдельно.

В большой полированной коробке с крышками в белую и чёрную клетку жили две вражеские армии. Во главе их стояли короли и королевы. Солдаты и офицеры были вооружены до зубов, туры — неприступны, как крепости, а кони — норовисты и выносливы.

Хотя в наше время принято называть королев ферзями, а офицеров слонами, Коля предпочёл оставить за ними старинные звания. Шахматы были его собственностью, и он имел право поступать с ними так, как ему вздумается.

И странное дело. Стоило только игрокам уйти из комнаты, как в воинственном шахматном государстве наступал мир: ни о какой войне не было и речи. Короли с королевами ходили друг к другу в гости, устраивали весёлые праздники и карнавалы, катались верхом на боевых конях. Белые офицеры танцевали по очереди с чёрной королевой, а чёрные — с белой. Никто никого не сбивал и не объявлял мата.

Солдаты тоже жили мирно. Они играли в домино, в кошки-мышки, а если и устраивали борьбу и клали друг друга на лопатки, то после этого пожимали руки и оставались друзьями.

В шахматном государстве были свои строгие правила и свой особый язык. Если какой-нибудь офицер хотел пригласить королеву на танец, он должен был подойти к той клетке, на которой она стояла, и вежливо сказать: «Разрешите, ваше величество, пригласить вас на тур вальса». На шахматном языке это звучало так:

— Гранд плиссе, ра-
хада вальсэ!

Соглашаясь, королева
кивала головой и строго
говорила:

— Гардэ ля соль, тура
дэ мозоль! — что значило:
«Только предупреждаю,
не будьте слоном и не
наступайте мне на ноги!»

Когда же начинался

общий танец, все брались
за руки, кружились и
пели:

Е-два, Е-четыре,
Станем дружно,
Круг пошире!
Эф-шесть, Цэ-семь —
Будет весело нам всем!

Самым большим ува-
жением в коробке поль-
зовались короли. И это
неудивительно. В шах-
матных государствах
короли играют боль-
шую роль. Не то, как
известно, живой ко-

роль: будь на его голове хоть три золотые короны, в наши дни — он не фигура. Кроме того, шахматные короли устойчивей всяких других королей, потому что у них в пятках находится тяжёлый свинец.

Вот такой была жизнь в шахматном царстве-государстве, когда в комнате не было людей. Но стоило игрокам расставить на позиции шахматные армии, как тут же начинался жестокий бой, где поведе-

ние фигур зависело от того, кто ими управлял.

К примеру, чёрный король, которого звали Смоль. Он едва-едва ходил и, даже убегая, мог сделать только один шаг назад или в стороны. Поэтому ему всегда

приходилось прятаться за спины своих солдат или за юбку королевы. Зато королева могла забегать далеко вперёд, решать важные военные вопросы и вертела королём как хотела. Собственно говоря, она и была самой главной фигурой при короле.

Кони были как кони. Во время сражений они шархались в стороны: скакнут на две клетки и обязательно бросятся вправо или влево. Ну что с них возьмёшь? Ведь при нынешней военной технике коням только и остаётся что держаться в стороне.

Офицеры в шахматной армии были очень легкомысленны, они никогда не ходили по прямой — шатались по косым линиям и увивались вокруг королевы. А солдаты были, как все солдаты: для них приказ есть приказ, и отступать они не могли.

Многие фигуры стремились к высшему званию.

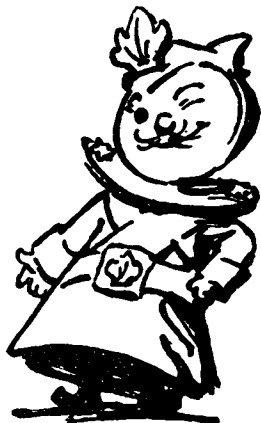
По шахматным законам доблестный солдат, достигший противоположного края доски, мог достичь любого воинского звания и даже получить титул королевы. Не зря у шахмат существовала поговорка: «Плох тот солдат, который не мечтает стать королевой».

Белая армия была отделана под орех, и этот цвет считался защитным цветом. А с королём дело обстояло так. В одном из сражений он потерял свою корону. Король без короны — не король, и Коля назвал его генералом. Конечно, он остался самым главным, но теперь к нему все обращались просто по

званию — генерал. И, хотя был он грузный с виду, военная кость держала его прямо. Спал он, если надо, в окопах, ел из походного котелка, а солдат называл «сынками». В общем, был «гроза врагу, отец солдатам». Говорил прямо, словно рубил с плеча. И если случилось ему в обществе держать речь, то сразу было видно: генерал!

Именно в его армии и нёс службу наголо бритый, в атаках битый, победами знаменитый шахматный солдат, по фамилии Пешкин, деревянной гвардии рядовой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Как чиж спасал храброго солдата

Пешкин, на первый взгляд, ничем не отличался от остальных солдат. Ведь в армии все воины на одно лицо, особенно когда стоят в строю.

Но тот, кто был знаком с ним поближе, мог бы многое о нём рассказать. Солдат Пешкин был отлично выточен из крепкого дуба. Если бы он был настоящим человеком, о нём говорили бы: «Ладно скроен, крепко сшит». Всегда подтянутый, стройный, он весело поблёскивал среди остальных солдат. Не случайно Коля ставил его всегда впереди генерала. Пешкин был надёжен в бою, и, если случилось, что противник его сбивал, Коля тут же снова ставил его на доску вместо уцелевшего воина, приговаривая:

— Моего Пешкина ни штык, ни пуля не берут!

Он так полюбил деревянного солдата, что на его круглой лысой голове карандашом пририсовал глаза, нос и отличные усы. Правый глаз у солдата был широко раскрыт, а левый всегда лукаво подмигивал. Казалось, Пешкин вот-вот скажет какую-нибудь весёлую солдатскую прибаутку. Совершать добрые дела он считал своим долгом и самоотверженно шёл на любое задание. Когда Коля делал уроки и под окном кудахтали куры, Пешкин не задумываясь летел через окно в атаку и разгонял шумных сплетниц. Когда захромал обеденный стол, солдат смело подставил под короткую ножку свою круглую голову и простоял там, пока не пришёл столяр.

Да, у твёрдого солдата было мягкое сердце. Он никогда не забывал оказанных ему услуг и всегда платил добром за добро.

Однажды в погожий день Коля Пыжиков и Петя Петушков решили сыграть партию шахмат в саду, на воздухе. Доска была положена на траву, и на ней, согласно шахматному уставу, расставлены обе армии. Под яркими лучами солнца воины смело шли в атаку. На доске то и дело раздавалось бодрое поцокивание солдатских сапог и конских копыт, а игроки потирали руки и приговаривали:

— Так-с, теперь мы, значит, вашего слона — пехотой!

— Да-с, а мы, значит, вашу пехоту кавалерией!..

В самый разгар боя солдат Пешкин совершенно честным путём преградил дорогу Петинной чёрной королеве. Ни вперёд ей шагнуть, ни назад. Выхода нет. Но, поскольку Петя не очень-то уважал правила игры и обладал к тому же необычайной ловкостью рук, он незаметно утащил Пешкина с доски и бросил его в траву.

— Где мой Пешкин? — сердито спросил Коля Пыжиков.

— А я почём знаю! — сказал Петя Петушков. — Он твой, ты его и ищи.

Коля начал искать солдата. Зная повадки своего противника, он далеко от доски не уходил и всё время поглядывал на неё.

— Давай помогай!

— Не хочу!

— Знаю я, чья это работа!

— А ты докажи!

— Докажу!

— Докажи!

— Докажу!..

Игроки сошлись чуб в чуб, и шахматное сражение стало переходить в настоящее.

А между тем Пешкин попал в пренеприятнейшее положение. Сад после недавней поливки был весь в лужах. Солдат с лёту угодил в одну из них и оказался по грудь в воде. Вокруг лужи росла густая трава, и солдат не видел, что творится впереди него, позади и по сторонам. Но Пешкин духом не пал.

— Ни мат, ни шах, а вода в ушах. Ну и положеньице, — бодро произнёс он, глядя на своё отражение в воде и расправляя чудесные усики. — Вот это значит, сел в лужу! Теперь без посторонней помощи отсюда не выбраться...

Две лягушки проскакали мимо, но не решились беспокоить военного человека. Кто знает, может, он в засаде сидит?

Печально закончилась бы его история, если бы в это дело не вмешался чиж, обыкновенный чиж, житель птичьего государства. Взъерошенный, он летал по саду и орал во всё горло:

— Чив-чив-чивереки! Чив-чив-чиверуки! Чудо, чудо! Моя чижиха снесла три яичка! У меня будут три сына или три дочери! Чив-чив-чивереки! Чив-чив-чиверуки!..

И всё живое радовалось этому событию. Солнце взлетело высоко в небо и сияло там, как жар-птица.

— Стрик-стрик! — пели стрекозы перед носом чижа.

Жирные червяки выползли из нор и давай растягиваться, как гармошки, туда-сюда, туда-сюда — камаринскую наигрывать, а муравьи в пляс пустились.

Видел это и Пешкин из своей лужи и, хоть погибал он средь белого дня, а тоже думал: «Эх, радуется пичуга, радуется! А я уж, видно, отмаршировал своё по шахматной доске».

Только он так подумал, как услышал голос чижа:

— Эй, солдат, солдат, ты как сюда попал?

— Буль-буль-бубуруль! — ответил Пешкин.

Вода дошла уже до самого носа, и из слов получились одни пузыри.

— Эй-эй, — закричал чиж. — Да ты, никак, тонешь?!

— Буль, — кивнул головой Пешкин, и пузыри снова заплясали по луже.

— Солдат тонет! Солдат тонет! — закружил чиж над лужей. — Эй, кто там живые, сюда, на помощь!

И только когда он трижды прокричал «на помощь!», трава зашевелилась и недалеко от лужи показалось пушистое существо на четырёх лапах. Это был кот Василий, который жил у Пыжиковых на

кухне. Он первым услышал крики чижа и примчался к месту происшествия.

Не думаете ли вы, что кот Василий собирался спасти Пешкина? Нет. Его интересовало совсем другое. Поэтому, подкравшись к луже, он спрятался в густой траве, чтобы чиж его не заметил.

— Эй, кто ж это там? Скорей сюда! — закричал чиж, когда услышал, как за его хвостом зашевелилась трава, но на помощь никто не спешил.

Чиж прыгнул в лужу и протянул солдату крыло. Но в этот же миг кот всей своей тушей навалился на чижа. Вода в луже закачалась и подбросила Пешкина вверх.

— Разбойник! Разбойник! — закричал Пешкин. — На помощь!

Но было поздно. Кот с чижом в зубах уже сидел на крыше. Как раз в эту минуту Коля Пыжиков заметил своего любимца и вытащил его из лужи.

— Пешкин, Пешкин нашёлся! Ура!

Солдат продолжал кричать, но Коля его не слышал. Голос солдата от долгого пребывания в воде сел и был не громче комариного писка. Впервые в жизни заплакал солдат от обиды. Слезы катились по его лицу, но Коля не мог их видеть — Пешкин был мокрым от макушки до пят.

Коля торопился к шахматной доске и даже не заметил, как, медленно кружась в воздухе, падали с крыши чижинные перья.

Петя Петушков исчез, оставив свою армию на произвол судьбы. Коля сделал ход конём, потом ещё один — другим конём, объявил мат и смахнул чёрные фигуры с доски. Это была грандиозная победа, но и она не принесла Пешкину радости. В эти минуты храбрый солдат не рад был даже своему спа-

сению. Перед его глазами всё ещё кружились чижинные пёрышки.

Много времени прошло с тех пор; много было сделано на шахматных полях рокировок, шахов, матов и даже один пат. Коля Пыжиков выиграл у Пети Петушкова матчи на первенство комнаты, дома и двора. Пыжиков присвоил себе звание гроссмейстера двора, а Петушков наконец-то научился правильно ходить конём. В саду, в новых гнёздах, уже запищали желторотые птенцы. И только тогда удалось Пешкину отомстить коту Василию за гибель своего спасителя. Храброму солдату суждено было прославиться далеко за пределами шахматного царства-государства. Но это уже особая история, о которой следует рассказать подробно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Каким наукам обучают в птичьих школах

Из распахнутых дверей и окон школы вырвался на простор громкий, весёлый звонок. Он бежал без оглядки, как озорной босоногий мальчишка, чтобы целое лето не возвращаться в школьные стены. Это был последний звонок в учебном году для ребят и первый звонок для учеников птичьей школы, которая помещалась на крыше десятилетки. Так уж повелось, что, когда кончались занятия у ребят, учебный год для птенцов только начинался.

Птичьи школы называются лётными, и главный предмет для оперившихся малышей — это умение летать. По этой науке даже отличнику-десятикласснику из обычной десятилетки можно было смело поставить двойку, потому что если он и совершал

полёты, то только носом вниз, с перил или забора, а самому захудалому птенцу-первокласснику ничего не стоило подняться выше дерева.

Птичья школа как раз находилась на крыше десятилетки, и это было просто здорово! Летом птенцы свободно могли залетать в пустые классы, клевать мел, заглядывать в чернильницы, прыгать по партам. Но всё же птичьи учителя предпочитали проводить занятия на свежем воздухе, на крыше, что обычным ученикам строго запрещалось. А скажите, кто из мальчишек не мечтал в летний день забраться на крышу своего дома, чтобы из-под ладони озирать окрестности, гонять голубей да, наконец, просто погреться на солнце, почувствовать высоту?! Да-да, почувствовать высоту. Ведь каждый человек немножечко птица. Будь у какого-нибудь мальчишки хоть самые маленькие крылышки, его ни за что не удалось бы удержать на земле — летал бы с утра до ночи. Но — нельзя! О крыше не могло быть и речи. Это было другое государство. Отсюда начинались владения птиц.

Каждый год в начале лета птицы становятся хозяевами на земле — столько их разводится в лесах, садах, огородах, на каждой крыше и мостовой. Посмотрите, как важно по центральным улицам расхаживают голуби! Так важно, что даже трёхтонные и пятитонные грузовики сбавляют ход и почтительно объезжают их. Ну чем не хозяева?

В такое время птичьи хоры гремят на все голоса. Тут тебе и тенора, и басы; и в одиночку поют, и дуэтами, и квартетами — прямо звон в ушах стоит. Людям просто повезло, что птицы поют, а не говорят, иначе от их болтовни болела бы голова.

Такой шум и веселье как раз и объясняется тем, что у птиц начинается учебный год.

— Чив-чив-чивиринь! — несётся со всех сторон.

На птичьем языке это значит: дети, в школу собирайтесь!

И птенцы торопятся в школу. Они уже давно сбросили жёлтый пух, который заменял им детсадовские песочники, и надели новую школьную форму, сшитую из пёрышек. У всех птенцов, даже у мальчишек, на груди светлые фартучки: у одних белые, у других — серые, у третьих — жёлтые.

Вот они группками торопятся в свои классы, смеются, чирикают, шалят и вытягивают вверх свои шеи, чтобы казаться постарше. Ну, совсем как первоклассники. Одни скачут на двух лапках, другие попеременно — то на правой, то на левой. Это, наверное, девочки. Они на ходу играют в прыгалки, только нам эти прыгалки не видны, уж очень они тоненькие, не толще волоска.

Но вот начинаются уроки. В птичьих школах проходят всего три предмета, три науки. Два предмета весёлых: пение и полёты. А третий — серьёзный: трудовое воспитание, или как добыть пропитание. Ловить мошек, искать червячков и гусениц — на птичьем языке называется «заморить червячка».

Арифметику проходят только кукушки. Они учатся считать от одного до тысячи трехсот сорока трёх, а потом — наоборот. Эти добрые птицы думают, что чем дольше они считают, тем дольше живут люди на земле.

Талантливые певцы — соловьи, скворцы, иволги и пеночки — поступают в школы для одарённых детей. Там их обучают пению и нотам старые профессора-соловьи и готовят из них лесных артистов.

Все птенцы — прилежные ученики. Ещё не было случая, чтобы кто-нибудь из них оставался на второй год. А научился птенец летать и добывать себе пищу — долой с родительского иждивения!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Почему чижика называли Пыжиком, а Колю Пыжикова — Чижиком

Говорят, беда за бедой идёт, да ещё бедёнка за ручку ведёт, или: пришла беда — открывай ворота. У птичьих гнёзд, как известно, ворот не бывает, но и их беда не минует. Погиб чиж, спасая солдата Пешкина, и осталась чижиха, по имени Чика, одна с тремя яичками в гнезде. Не успела она оплакать верного друга, как прилетела новая беда.

Подрались между собой озорные воробьи и выбросили случайно из её гнезда два яичка. Поплакала чижиха, поплакала и с тройным усердием начала высиживать оставшееся яичко. И вот от большого тепла, которым она окружила своё единственное яичко, вскоре вылупился чиженок — сын. Это был крупный, отличный птенец, как две капли воды похожий на всех жёлторотых чижей. Мать была счастлива. Птицы расчирикали эту весть по всему саду, и жители его поздравляли чижиху.

— Вы только взгляните на него! — говорила чижиха соседке-синице. — Вылитый портрет покойного отца! Такой же рослый и умный! Он уже сам просит пить!

— Пи-ить, пи-ить! — запищал голый птенец, похожий на отца.

— Очень удачный ребёнок! — сказала синица.

— Что вы, он просто замечательный! Разве вы когда-нибудь видели такого птенца! Посмотрите, какой он желторотый! У него на хвосте уже есть одно пёрышко! Да он красавец!..

«Ну, положим, мой сын в сто раз желторотее и красивее», — подумала синица, но вслух говорить этого не стала, чтобы не обидеть чижику...

Чижик рос как на дрожжах. Скоро на нём появились пёрышки. Они были блестящие, упругие и непослушные, как сам птенец. Тяжело приходилось чижихе с сыном.

— Не ешь холодного червяка! У тебя может заболеть горло!.. Не смей выходить из гнезда, а то прилетит баба-сова и спрячет тебя в тёмное дупло!

Но чижик ничего не боялся. Он рос неслухом. А наказать его, клюнуть разок-другой чижиха не решалась. Как же — единственный сын!

— Вы уже дали имя своему сыну? — спросила однажды синица.

— Нет ещё. Вы знаете, я хочу его назвать Чичириком. Так звали его дедушку. У чижика такие же пёрышки, только ещё в тысячу раз лучше!

— Ничего нет противнее птичьих имён! — заметил дождевой червяк. — Уж если этот чижик действительно такой крупный и сильный, то его следует назвать Ужом!

— Чепуха! — сказал старый пенёк. — Лучшего имени, чем Трухля, во всём свете не найдёшь!

Но тут синица перебила их и сказала:

— А я вам хотела предложить другое имя.

— Какое? — заинтересовалась чижиха.

— Смотрите, какой ваш сын напыженный! Не находите ли вы, что он очень напоминает Колю Пыжикова? Такой же непоседа, и пёрышки торчат, как

вихры у мальчишки. Так не назвать ли вам его Пыжиком?

— Пыж-жик! Пыж-жик! — загудел рядом шмель, и тотчас же со всех сторон слышались птичьи голоса:

— Чижик-Пыжик!

Птицы так громко и радостно выкрикивали новое имя, что Коля Пыжиков, бросив начатую с Петей Петушковым партию шахмат, выбежал во двор и стал искать, кто бы мог его звать.

Это было не случайно, он не ослышался. Дело в том, что по странному совпадению ребята в школе называли Колю Пыжикова — Чижиком, только кричали ему не Чижик-Пыжик, а наоборот — Пыжик-Чижик. Коля стоял посреди двора и прислушивался. Волосы у него на голове торчали во все стороны, на носу была чернильная клякса, рубаха выбилась из штанов. Он долго оглядывался, но во дворе, кроме птиц, стрекоз и кузнечиков, никого не было. И он пошёл обратно.

— Ну что, разве я неправа? — спросила синица, заметив, что чижиха любовалась Колей.

— Конечно, я согласна! — защелкала чижиха. — Мне нравится Коля. Он действительно очень похож на моего чижика. Пусть же моего сына тоже зовут Пыжиком!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О том, как Пыжик учился летать

Скоро чижик пошёл в лётную школу, в первый класс. Забот у чижихи прибавилось вдвое. Попробуй посадить такого птенца за уроки! Беда, да и толь-

ко!.. Ему бы кувыркаться да шалить, а учителя своего требуют.

Мать всё хозяйство забросила, за собой не следит — вместе с сыном уроки учит. Старательно учит, будто ей самой их задали. Теперь она и правила, и стихи на память знает, а вот хозяйством заниматься разучилась. То, глядишь, червячок недосолён, то вместо зёрен простых камешков с птичьего базара принесёт, то у торговки-воробьихи сдачу получить забудет.

А гнездо-то, а гнездо! Сплошной беспорядок. Пух из постели повыбился, стены прохудились. А сама-то, а сама! Страх один. Пёрышки не разглажены, лишние не повыщипаны. В таком виде она и учит с Пыжиком уроки.

— Что тебе на сегодня задали?

— Упражнения на полёты. Нужно три раза облететь вокруг дерева.

— Ну, так лети.

— А я не хочу.

— Почему?

— Мне сперва нужно найти вот такую резинку. — И Пыжик развёл крылья, показывая, какой длины должна быть резинка.

— Ах ты, дрянной мальчишка! — догадалась чижиха. — Ты хочешь сделать себе рогатку!

— У всех есть, а что я, хуже?

— Тебя за это схватит баба-сова!

— А я ей выстрелю в глаз!

— Что мне с тобой делать?! — заламывала крылья чижиха. — Ну, ты хоть червячка съешь. Я его разжевала, тебе только проглотить осталось.

— А ты сделай за меня упражнения, тогда проглочу.

— Хорошо, хорошо, я сделаю. А ты ешь и смотри!

И чижиха принялась летать вокруг дерева. Летает и считает:

— Раз... Два... Три.

— Правильно! — сказал Пыжик. — На пятёрку!

— Гм, — ухмыльнулась соседка-синица. — Что это вы, уважаемая Чика, такими пустяками занимаетесь?

— Это вовсе не пустяки! — ответила чижиха. — Это мы с сыном делаем домашние задания.

А на следующий день Пыжик приносил из школы двойку.

— Безобразие! — жаловалась синице чижиха. — Вы свидетельница, вы сами видели, как мы с Пыжиком делали домашнее задание! И вот вам, пожалуйста, — двойка! Какие несправедливые учителя!.. Ах, бедный Пыжик, все тебя, маленького, обижают!

— Обижают... — захныкал сынок, который уже стал ростом со взрослого чижа.

— Ну ладно, не плачь. Поди ко мне, крошка, я тебя поцелую! — И она хотела обнять сына.

Но Пыжик терпеть не мог нежностей. Он передёрнул крыльями, да так неловко, что столкнул мать с ветки. Все вокруг рассмеялись. А одуванчики так тряслись, что все поголовно растеряли свой пух и остались нагишом.

Чижиха провалилась в густые заросли крапивы и лопуха. Она больно обожглась и хотела поскорее выбраться, но услышала интересный разговор, который происходил между крапивой и лопухом, и задержалась.

Дело в том, что крапива и лопух были всеми признанные учёные педагоги. Они давно занимались

наукой о том, как следует воспитывать детей, но советовали это делать по-разному и без конца спорили.

— Нужно жечь, нужно сечь! Нужно жечь, нужно сечь! — упрямо твердила крапива и показывала, как это следует делать. Ладони её были усеяны густым жалящим волосом и сплошь покрыты грубыми мозолями.

А лопух безразлично махал своими лопухими листьями и лениво повторял:

— Э-э, и так сойдёт, э-э, и так вырастет! Сколько у меня знакомых лопухов, и все так выросли. Некоторые даже стали ещё большими лопухами, чем я.

Пока продолжался этот учёный спор, Пыжик сидел на высокой ветке и вертел головой. Вдруг перед его носом пролетела стрекоза. Он хотел схватить попрыгунью, да сорвался с ветки. Сорвался, замахал крыльями и полетел. Да, да, полетел! Неровно, припадая то на одно, то на другое крыло, но полетел.

— Ай! Ай! — закричала чижиха. — Что ты делаешь! Ты же летишь! Ты разобьёшься!

Но голос её потонул в шуме.

— Ещё рраз! Ещё рраз! — затрещали в траве кузнечики.

— Чётче! Чётче! Чётче! — зачирикали воробьи. Пыжик снова взлетал, шлёпался на землю, но упрямо рвался в воздух.

Все тут же бросились поздравлять чижику.

— Ч-чудесно! Ч-чудесно! — защебетала соседка-синица. — Очень, очень способный!

— Еш-шобы, еш-шобы, — одобрительно жужжал шмель. — Первые в ж-ж-жизни шшаги, шшаги!

— Поздрр-ав-лаю! Поздрр-ав-лаю! — залаял дворовый пёс Лука, который из будки всё это видел. — Помню, когда впервые пошёл Коля Пыжиков, сколько радости в доме было. Уж я-то знаю, как нелегко на двух задних ходить! Сам пробовал, сам... Да, много мне тогда вкусных вещей со стола перепало! — И он звучно облизнулся.

Чижиха успокоилась и, важно нахохлившись, обвела всех гордым взглядом: дескать, иначе и быть не могло, ведь это мой сын!

Она тут же решила послать повсюду телеграммы и полетела к кусту малины, где был главный паучий телеграф. Отсюда во все концы тянулась густая паутина. По ней передавались всякие новости.

Чижиха быстро настроила телеграмму:

БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ ТЧК МЫ УЖЕ ЛЕТАЕМ ЧИЖИК-
КРАСОТА ПЕРЕРОС ПАПУ РАДА СКАЗАТЬ НАРОДУ В
ГОРОДЕ И ЛЕСУ

ВАША ЧИКА

Но старый паучий телеграф перевирал все слова, и те, кто получили телеграмму, читали:

БОЛЬШОЕ БИТИЕ ТЧК МЫ УЖЕ ТАЕМ НИЖЕ У КОТА
ПЕРЕКОС ЛАПЫ НАДА СМАЗАТЬ ВОДУ В ОГОРОДЕ
КОЛБАСУ

ВАША ЧИКА

Всякий понимал это по-своему, и все радовались.

Прочитав слова «нада смазать», двери радостно заскрипели. Они решили, что все дверные завесы наконец-то будут смазаны.

Фикус, обнаружив в телеграмме слово «воду», захлопал своими широкими листьями. Он изнывал от жажды и думал, что его немедленно польют.

Мыши в подполье подняли радостную возню:

— Опасность миновала! — кричали одни. — У кота перекос лапы!

А другие кричали:

— В огороде выросла колбаса!

Один солдат Пешкин правильно расшифровал телеграмму. Он был опытным связистом и разгадывал телеграммы даже посложней, чем эта.

«Точно, у чижихи большая радость! — подумал Пешкин и тут же начал себя ругать: — Эх, и черствая я душа! Как же это до сих пор не навестил семью своего спасителя?! Нет мне за это прощения!.. Сейчас же пойду к генералу, попрошу увольнительную и лично принесу чижихе свои поздравления».

Он направился в штаб главного шахматного командования. Пешкин был любимым солдатом генерала, и тот его принял сразу.

— А-а, здравствуй, Пешкин. Как живёшь? — сказал генерал, отрываясь от важных бумаг.

— Разрешите доложить, важное сообщение! — сказал солдат, приложив руку к пилотке и громко щёлкнув о доску свинцовой пяткой.

— Докладывай.

— Свершилось, значит, товарищ генерал. Полетел Пыжик! Пичуга мала, а звезду догнала... Стало

быть, птенец отличник лётной подготовки! Вот как, товарищ генерал.

— Постой, дорогой, постой, — начал припоминать генерал. — Не тот ли самый птенец, отец которого...

— Он самый и есть. Так точно, — печально покачал головой Пешкин. — Меня спас, сам погиб...

— Вспоминаю, вспоминаю, как же! Так чего же ты от меня хочешь?

— Да вот, навестить бы мне чижиху... Стало быть, увольнительную бы мне... вот что...

И тут Пешкин совершил ошибку. Генерал был стариком добрым, но увольнительные любил раздавать сам, а когда просили — отказывал. Он считал, что это необходимо для большей строгости, для авторитета.

— Увольнительной, дорогой, сегодня дать не могу. Сам понимаешь — положение шаховое. С минуты на минуту могут прийти Коля и Петя — и начнётся война! Ясно?

— Так точно. Ясно! — отчеканил Пешкин. Что мог он ещё сказать?

Но генерал и не думал совсем огорчать Пешкина. Он лукаво подмигнул ему, похлопал по плечу и произнёс:

— А не лучше ли отшлёпать чижихе поздравительную за моей, генеральской, подписью! А? Каково?

— Премного вами благодарны! — радостно рявкнул Пешкин.

И генерал послал чижихе телеграмму:

САД ЯБЛОНЯ НОМЕР ШЕСТЬ ГНЕЗДО ЧЕТЫРЕ ТЧК АТАКУЕМ ПОЗДРАВЛЯЕМ ОТВОЮЕМ ПОЛЕТАЕМ ПУЛЯ ДУРАШТЫК МОЛОДЕЦ ТЧК ГЕНЕРАЛ Ф-5.

«Ф-5» означало клетку на шахматной доске, где находился в это время генеральный штаб.

Телеграмма была немедленно доставлена чижихе и зачитана вслух. Чижиха ещё больше надулась и заважничала.

Вдруг в небе что-то загудело, засвистело, и синеву прочертили длинные белые полосы. Потом эти полосы стали выписывать в небе восьмёрки, круги и другие замысловатые фигуры.

А впереди этих полос, как серебряные самопишущие перья, неслись и сверкали острокрылые птицы.

Все в саду притихли и с удивлением уставились в небо.

— Чему вы удивляетесь? — сказала чижиха. — Разве не знаете — этот воздушный парад назначен сегодня в честь моего Пыжика!

Никто не стал возражать, а Пыжик запищал:

— Мама, мама, я тоже так хочу!

— Что ты, милый, так высоко? — ужаснулась чижиха. — Там холодно, ты простудишься! Это только люди могут так высоко и быстро летать, а ведь ты — птица... И вообще, на сегодня хватит. Ты устал. Пойдём лучше домой.

Соседка-синица пошла провожать чижиху.

Она ласково положила ей крыло на плечо и сказала:

— Ну, милая, скажу вам как мамаша мамаше: теперь у вас самое трудное... — и, помолчав секунду, добавила: — впереди!

— Да, — согласилась чижиха. — Конечно, когда ребёнок начинает летать, покоя матери не знать, того и гляди, птенец залетит не туда, куда надо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пыжик знакомится с сыном важного индюка

Чихижа совсем потеряла покой. Ночью через каждый час просыпалась и лап-лап крылом — на месте ли сын. А Пыжик то и дело рвался из гнезда. «Летать! Только бы снова летать! Всё равно куда!» — других желаний у него не было.

И мать, не откладывая, начинала поучать сына: — Сиди спокойно и слушай, что говорит мама. Наше птичье государство самое большое на свете: всё небо наше, все леса и сады. Но запомни главное — в людские гнёзда нам, птицам, залетать нельзя.

Она указала крылом на двухэтажное здание, которое стояло в глубине сада, и окна его были широко раскрыты. Это был дом, в котором жил Коля Пыжиков, жили шахматы. Чихижа вдруг содрогнулась, крепко зажмурила глаза и чуть не свалилась с ветки. Из окна выскочил кот Василий и шмыгнул в траву. Уж она-то его хорошо знала. Это от его лап погиб отец Пыжика.

Кот вечно бегал по крышам и искал, с кем бы поцапаться. Одна щека у него была разодрана, на спине вырван клочок шерсти, а на хвосте зияли боевые шрамы. Василий любил сквернословить, носил ухо набекрень, плевал сквозь зубы и, говорят, даже курил. И, хотя собственными глазами никто этого не видел, все верили. От такого пройдохи можно было ожидать чего угодно. Но самое страшное было то, что этот верзила любил обижать младших, показывать на них свою силу и храбрость. Ему бы за решёткой сидеть, да жаль — на котов законов не придумали...

Чижиха даже побоялась произнести его имя и только громко повторила:

— Туда нельзя!

Сказав эти слова, птичья мама совершила ошибку, какую делают все мамы на свете. Стоит любой из них сказать своему сыну: «Туда нельзя!», как он полетит именно туда, а не в другое место.

Чижиха очень волновалась. «Главное, — думала она, — чтобы моему Пыжику достались хорошие друзья, чтобы дурных примеров ему не подавали».

А чирик вообще ни о чём не думал. Прыгая с ветки на ветку, с каждым днём залетал он всё дальше от родного гнезда. Не хотел он дружить ни с чижатами, ни с сыновьями птицы синицы.

И вот сидел как-то чирик на ветке и скучал, соображал, чем бы таким заняться. Вдруг слышит, снизу какая-то странная песня доносится. Не то птичья, не то не птичья — слов не понять:

Бир-бир-бар,
Бир-бар-будл,
Бадл-дудл-Берлыдан!..

Посмотрел он, а по земле странная птица расхаживает. Крыльями не машет, шея голая, с клюва красный лоскуток свисает. Идет и под свою песню приплясывает:

Бир-бир-бар,
Бир-бар-будл...

Так и дёргается весь, будто его лихорадка трясёт. Не видал ещё Пыжик такого существа.

А был это индюшонок, сын своего папы-индюка, по фамилии Берлыдуля-Берлыдан. Сам он, конечно, тоже носил эту фамилию и очень гордился ею.

Папа-индюк был важной птицей: возле самого

дома вертелся, из хозяйских рук пищу принимал. И ведал он во дворе всеми птичьими песнями и полётами, хоть сам ни летать, ни петь не мог. Вот и ходил он по двору сердитый, важный, словно надутая до предела камера: толкни — лопнет. А какие бы сложные вопросы ни решал, всегда одно говорил: «Берлы, берлы», — и точка.

Индюшонок с виду был весь в отца, только совсем уж никаким делом не занимался. Шатался целыми днями по двору, приплясывал и на всех свысока поглядывал.

«Вот это красавец, — думал Пыжик. — А пляшет-то как ловко!» И он тоже попробовал поплясать на ветке. Но ничего не вышло.

«Вот подружиться бы с ним, тогда и скучать не пришлось бы», — подумал он и прочирикал:

— Эй-эй, приятель! Лети ко мне в гости!

Индюшонок остановился, посмотрел наверх, смерил чижику взглядом и отвечает:

— Бир-бир! Этого ещё не хватало! Стану я к тебе на ветки летать. Может, ещё мошек с тобой ловить?! Мы, индюки, не такие птицы, мы не летаем, не поём, только пищу клюём!

«Ишь ты какой! — подумал Пыжик. — Как интересно!» Спорхнул вниз, на землю. Поравнялся с индюшонком, пошёл рядом. Ходит, пыжится, шею

вытягивает, чтоб хоть сколько-нибудь на него похожим быть.

— Давно бы так, — сказал юный Берлыдан. — Если хочешь важной птицей стать, имей со мной дело!

— А какой ты породы? — спросил Пыжик.

— Индюшачьей! Я — индюк!

— Чендюк?

— Футы-нуты, не чендюк, а ин-дюк!

— Я и говорю — чен-дюк.

— Чепуха! — сказал индюшонок. — Ты даже говорить-то правильно не умеешь. Только чик-чик да чирик...

— А-а я умею летать, — робко похвалился Пыжик.

— Э-э, летать не модно! Надо танцевать!

— А как?

— Вот так. Смотри и учись! — И индюшонок начал припевать:

Бир-бир-бар,
Бир-бар-будл,
Бадл-дудл-Берлыдан.
Раз,
Джаз —
Утки-дудки,
Бадл-дудл-барабан!

Эх, и трясло же индюшонка! Чуть надвое не переломило. Ноги он выше головы задира, головой мотал, как пустым шариком. Пыжик не удержался и тоже пустился в пляс, а поскольку новой песенки не знал, запел свою старую:

Чижик-Пыжик, где ты был...

Скоро вокруг танцоров пыль столбом поднялась, и плясали они до тех пор, пока Пыжик не свалился на землю.

— Ну как? — с трудом переводя дыхание, спросил индюшонок.

— Здёрово! — сказал Пыжик. — Я ещё ни разу так не плясал!

— Это что! Это — пустяки! — Вошёл в азарт Берлыдуля. — Я и не такое знаю, я совсем по-заграничному могу!

— Давай! Давай! — в азарте заорал Пыжик. Индюшонка ещё сильнее затрясло, а из его клюва, как горох, посыпались иностранные слова:

Эйнс, цвей —
Три редиски,
Вери-Мери,
Дэр, ди, дас.
Бром, ром,
Виски-миски,
Крабы-жабы,
Кислый квас!..

Не выдержал Пыжик такого темпа и язык высу-
нул, Берлыдуля всё плясал, пока не грохнулся
как подкошенный и закатил глаза.

— Умирает! Спасите! — запищал Пыжик и, на-
брав из лужицы воды, брызнул на индюшонка.

Берлыдуля и не думал умирать. Он отряхнулся,
вскочил на ноги и сказал:

— Я, кажется, поставил рекорд по заграничным
танцам!

— Конечно, конечно! — согласился Пыжик.
Ему стало очень весело. — А что мы ещё будем де-
лать?

— Что ещё? — переспросил индюшонок, но
предложить ничего не успел.

Он вдруг радостно подпрыгнул, что-то берлык-
нул и ухватил с земли пёстрый лоскуток.

— Берлы-берлы! Смотри, какая красивая тря-
почка! Это очень модная тряпочка! Мы, индюки,
любим пёстрые вещи! — Он тут же приладил её к
хвосту и спросил: — Правда, она мне к лицу!

Хвост был далеко от индюшачьей головы, и Пы-
жик ничего по этому поводу не мог сказать. Однако,
чтобы не терять дружбы с индюшонком, пообещал:

— Когда у меня будет цветной лоскуток, я тебе его обязательно подарю.

— Если очень захочешь, сможешь мне сегодня подарить.

— Но у меня же нет.

— А я тебе покажу, где взять.

— Покажи!

И индюшонок потащил Пыжика к дому. Он показал на раскрытое окно и сказал:

— Там, в человеческом гнезде, много цветных тряпочек, даже заграничные есть! Достанешь — будешь мне первым другом!

— А разве туда можно? Мама сказала «нельзя!».

— «Мама, мама»! — передразнил его индюшонок. — Значит, ты — маменькин сыночек. Значит, ты — трус! Нет, я вижу, из тебя индюка не выйдет!

Пыжику не захотелось прослыть трусом, и, кроме того, его очень разбирало любопытство: какое оно, это человеческое гнездо? Он почувствовал, как внутри у него сработала маленькая пружинка, та самая пружинка, что у всякого мальчишки сидит внутри и толкает куда не положено.

Он взмахнул крыльями и в тот же миг очутился на подоконнике.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как выглядит человеческое гнездо и что в нём произошло с Пыжиком

Пыжик сидел на подоконнике и вертел головой, словно это была не голова, а пропеллер. Он с любопытством разглядывал человеческое гнездо, ибо так же, как ребята любят смотреть из окон на улицу, птен-

цы любят заглядывать через окна в квартиры. Для Пыжика это было вроде посещения музея. Все, что он видел в квартире, он видел впервые. К стенам были прибиты картины, на которых нарисованные птицы висели вниз головой и не шевелились. С потолка опускалось какое-то дерево, а на его ветках росли круглые стеклянные шары. Пыжик, конечно, не знал, что это люстра... Он спокойно уселся на одну из веток странного дерева, посмотрел сверху на стол. Там стояли стаканы, блюда, хлебница, солонка, а посреди стола на тарелке лежала дюжина яиц.

«Здесь скоро вылупятся чижики!» — подумал Пыжик и слетел вниз. Над столом носились вкусные запахи, и Пыжик почувствовал, что хочет есть. «С чего бы начать?» — подумал он и подскочил к фарфоровой мисочке, в которой заманчиво поблёскивали белые кристаллики. Пыжик клюнул раз, другой. Но что это?! Язык начало жечь, дыхание спёрло, и солёная горечь потекла прямо в горло. Хорошо, что поблизости оказалась лужица сладкого чая.

Но жажда открытий была сильнее страха, и уже через секунду Пыжик клевал крупички пшённой каши вперемешку с белыми крошками.

Вдруг он услышал, как по комнате разливается приятная негромкая музыка:

— Мурр-урр, мурр-урр, мурр-р-р...

«Кто же это поёт?» Чижик осмотрел всю комнату, но нарисованные птицы продолжали висеть вниз головой и молчали.

Тогда он перескочил на диван и услышал пение совсем близко. Рулады плыли и перекачивались, обволакивая его сладкой дрёмой. Пыжику захотелось спать, и он чуть было не скатился на пол.

Вдруг на диване он заметил что-то пушистое, круглое, живое. Белый мех с чёрными пятнами вздымался и оседал в такт песне.

Чижику стало любопытно.

— Что это, что это? — зачирикал он и подскочил ближе.

Пение прекратилось.

Теперь ему очень захотелось зарыться клювом в тёплый, пушистый мех. Он сделал шаг вперёд, ещё шаг... Но тут же получил сильную затрещину, которая, к счастью, пришлась по клюву.

Пыжик испуганно запищал и отскочил назад. В следующее мгновение его ослепили два круглых зелёных огня и, как только он взмахнул крыльями, чтобы взлететь, тяжёлая когтистая лапа ударила по крылу. Пыжик жалобно запищал и скатился на пол. Летать он больше не мог — крыло было перебито. Он с криком заметался по комнате.

Воробьи на подоконнике подняли страшный шум.

— Эй, эй, наших бьют! Наших бьют! — кричали они, но ни один из них не пришёл Пыжику на помощь.

В эту минуту в окно влетела отчаянная чижиха. Она сразу поняла, что произошло, и не задумываясь ринулась на помощь сыну. Пыжик метался по полу, увёртываясь от когтистых лап, а чижиха летала вокруг, пытаясь отвлечь на себя внимание свирепого хищника. Но кот даже не поднимал головы. Тогда она начала бесстрашно клевать его в голову, в спину. Василий закричал, стал на задние лапы и начал махать ими в воздухе, отгоняя чижиху.

Пыжик метнулся в угол и увидел перед собой открытую дверцу. Она вела в небольшую клетку,

Кот закричал и начал махать лапами в воздухе, отгоняя чижику.

стенки которой были сделаны из тонкой проволоки. У Пыжика не было времени раздумывать, что это и зачем здесь стоит. Он вскочил в клетку, задел головой кусочек колбасы, который висел на крючке, пружинка распрямилась, и дверца, крикнув, захлопнулась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, какую котовасию затеял кот Василий, и о решительном мышонке Пике

Как только дверца мышеловки захлопнулась — а это была именно мышеловка, — за решёткой моментально появилась оскаленная морда кота и два свирепо горящих глаза. И всё же Пыжик немного успокоился. Ему даже показалось, что на свободе находится он, а страшный зверь попал за решётку.

Кот Василий в недоумении стоял перед мышеловкой. Сквозь частые прутья нельзя было просунуть лапу, и Василий зловеще шипел, выгибал спину дугой и вполголоса по-кошачьему ругался:

— Три мышинных хвоста! Куриная лапа! Как же это я упустил чижонка?! Позор! Позор!..

Он бегал перед мышеловкой и ворчал себе под нос:

— Если мышеловку оставить здесь, то придёт Коля и выпустит мою добычу. Да-да, я знаю этого мальчишку! Вечно он всех жалеет. Даже своего белого мышонка не дал мне загрызть. Нет-нет, оставлять его здесь нельзя!.. А-а, знаю, знаю! Отнесу-ка я мышеловку в сад к своему дружку пауку Лапоногу! Нечего ему, лодырю, бездельничать! Только и делает, что свои антенны по кустам развешивает да всех

опутывает. Отнесу ему — пусть сторожит, а я пойду поищу инструменты, чтобы открыть мышеловку и вытащить птенца... Нет, милый, от меня не уйдёшь! — подмигнул он Пыжику и, взяв мышеловку в зубы, потащил её к дверям. Ноша была тяжёлой, и Василий от напряжения злобно шипел.

Возле дверей он подхватил мышеловку передними лапами, поднялся на задние и всем телом навалился на дверь. Дверь отворилась, и Василий скрылся за ней. По саду он тащил свою ношу медленней, потому что очень устал. Он и толкал мышеловку мордой, и волочил за собой, не замечая птиц, которые с криком носились над ним.

Скоро на солнце засверкала паутина, а затем показался куст малины, на котором жил знаменитый связист-телеграфист Лапоног.

Когда в комнате стало тихо, в норке, возле которой стояла мышеловка, засверкали маленькие бусинки. Это светились глаза мышей. Потом наружу высунулась острая мордочка. Она пошевелила усами и скрылась.

Оказывается, за всем, что происходило в комнате, с волнением следили мыши. Когда мышеловка исчезла, в подполье поднялась шумная и радостная возня. Мыши плясали и пищали:

- Ура! Ура! Мышеловки нет!
- Опасность миновала!
- Вперёд, в поход!..

Теперь они свободно могли разгуливать по квартире. Особенно радовались молодые мыши. Они даже начали выбегать из норы, но сразу возвращались обратно.

И тут раздался голос старой мудрой мыши Усыши, которую прозвали так за непомерно длинные

усы. Она знала всех жителей сада и дома, и никакие события не проходили мимо её любопытного носа. Усыша ударила толстым хвостом по доске и сказала:

— Тише! Угмонитесь, крохоборы! Чего расшумелись, чему обрадовались? Мышеловка захлопнула сына доброй чижики Чики, отца которого съел кот Василий. Птенцу грозит опасность! Нам нужно всем подумать, как выручить его.

В норе стало тихо, только мышинные глаза сверкали в темноте, как маленькие карманные фонарики.

Мыши начали быстро крутить усами и носами. Так они делают всегда, когда думают. Потом стали поднимать хвосты и просить слова.

Одни предлагали подсыпать коту отравленные макароны, которые хозяйка насыпала в их нору. Другие говорили, что надо Василию к хвосту привязать пустую консервную банку, как это делал Коля. Тогда кот начнёт гонять по двору, чтобы отвязаться от неё, и забудет про Пыжика. Ни одного

предложения Усыша не одобрила. Тогда мыши ещё сильнее закрутили носами и усами, но больше ничего придумать не смогли.

— Стойте, — сказала Усыша. — Я знаю, кто может спасти сына чижихи Чики.

— Кто? Кто? — слышалось со всех сторон.

— Его может спасти только храбрый шахматный солдат Пешкин!

— Пешкин! Пешкин! — закричали все. — Только он может спасти Пыжика! Слава мудрой Усыше!

Мыши давно знали о подвигах деревянного солдата. Они вообще знали все подробности из жизни шахмат. Не подумайте, пожалуйста, что они сами умели играть в шахматы. Нет. Просто однажды в нору провалился белый шахматный слон и пролежал там двое суток. Делать ему было нечего, и он рассказал им о вечных шахматных войнах, о том, как Петя Петушков, противник Коли Пыжикова, научил чёрные фигуры мошенничать, и о подвигах доблестного солдата Пешкина.

Мышата слушали затаив дыхание. Они сами лю-

били играть в войну, только эта игра называлась у них не «мышинная война», а «мышинная возня». И все они, конечно, хотели быть солдатами, как Пешкин.

Белого слона, который был в чине офицера, беспокоило только то, что на шахматной доске его могли заменить простой бумажкой. Такая замена очень унизила бы его офицерское достоинство. Но что мог он поделать? Закатиться-то он закатился, а назад, наверх, выбраться не смог. Мыши могли бы сразу ему помочь, но уж очень интересны были его рассказы. И, только прослушав их все до конца, на третий день они выкатили слона из норы.

Коля два дня искал пропавшую фигуру и был очень удивлён, встретив её возле мышинной норы.

— Вот чудеса! — сказал он, поднимая слона. — Я ведь здесь искал, но его раньше не было. И вдруг появился!

Да, Коля многого ещё не знал о своих шахматах и узнает всё только тогда, когда сам прочитает эту книгу...

В общем, все мыши согласились с тем, что спасти Пыжика может только доблестный солдат Пешкин. Но Пешкин жил в соседней комнате, на Колином столе, а дорога туда была не безопасна.

По старым мышинным законам, дневные прогулки по квартирам запрещались. Днём это место мыши уступали людям. И правильно делали, потому что если бы и те и другие стали днём расхаживать по комнатам, то в домах началось бы столпотворение: мыши наталкивались

бы на людей, люди — на мышей, и всё это кончалось бы сплошными неприятностями.

И всё же молодые мышата наперебой просились в опасный поход.

— Не спешите! — сдерживала их старая Усыша. — Вы забыли, чем кончаются такие прогулки, забыли, как пропали ваши братья Мик, Шуш, Миса и Мисуса, храбрые сыновья доброй Мамауши и старого Папахвоста!.. Не торопитесь, нужно всё как следует обдумать!..

Больше всех волновался мышонок Пик. Он впервые видел птичку, и ему было очень жалко её.

— Я, я пойду спасти летающего мышонка Пыжика! — кричал он.

— Замолчи, глупыш, птенец вовсе не мышонок.

— Как, разве Пыжик не мышка? А я думал, что он такой же мышонок, как я, только с крылышками. Пустите меня, тётя Усыша, пустите!

— Сиди на месте, есть и постарше тебя!

Зная упрямство малыша, старая мышь наступила лапой ему на хвост, чтобы тот не сбежал.

«Я уже не маленький, а мне даже пикнуть не позволяют, — рассердился Пик. — Ходи и держись за тётушкин хвост. Вот возьму и убегу, всем докажу, что я уже самостоятельный!»

Пик собрал все свои мышинные силёнки и вырвал хвостик из-под Усышиной лапы. Не успела Усыша оглянуться, как Пик шмыгнул к выходу из норы.

Оглянувшись, помчался он в соседнюю комнату, где жили шахматы.

Почему на шахматной доске прекратились военные действия и как мышонок Пик нашёл солдата Пешкина

В комнате, где жили шахматы, никого не было. Доска лежала на столе, и фигуры стояли на ней в полном беспорядке. По всему было видно, что недавно закончилось очередное сражение. Над полем боя царила тишина. Солдаты двух вражеских армий мирно переговаривались между собой и обменивались табачком.

Как правило, перемирие наступало тогда, когда те, кто играет в шахматы, сами дрались между собой или играли в другие игры.

Как раз сегодня и произошла драка между Колей Пыжиковым и Петей Петушковым. Они создали на доске такое сложное положение, что разобратся в этом можно было не иначе, как кулачным путём. Во всяком случае, так считали сами игроки.

А случилось вот что. Коля решительно продвинул вперёд свою королеву и объявил:

— Мат!

— Как бы не так! — закричал Петя. — Вовсе и не мат.

— Уходить королю некуда? Некуда! Заслонить его нечем! — торжествовал Пыжиков.

— А вот есть чем! — сказал Петя и загородил короля чернильницей.

— Убери чернильницу, это не по правилам!

— А вот и есть такие правила, я знаю! — упорствовал Петя.

— Убери!

— Нет, не убери!

— Убери!

— Не уберу!..

Петя так махал руками, что столкнул чернильницу с доски, и та посадила на зелёное сукно две большие кляксы. Впоследствии эти пятна были названы «морем печали». Коле очень сильно досталось от отца.

Конечно, после этого продолжать игру обычным путём не имело смысла, и она перешла в рукопашный бой, который закончился во дворе.

Когда мышонок Пик по шнуру от настольной лампы забрался на стол и попал на поле сражения, то прежде всего столкнулся с чёрным офицером. Он вежливо обнюхал его и спросил:

— Простите, не вы ли случайно будете храбрым солдатом Пешкиным?

— Убирайся вон, грубиян! — заорала фигура. — Разве ты не видишь, что я офицер, а не солдат?!

— И-извините! — запищал Пик и отскочил в сторону, на край доски.

Прямо перед ним стоял солдат в аккуратной защитной гимнастёрочке и старательно чистил свои сапоги, чистил и напевал:

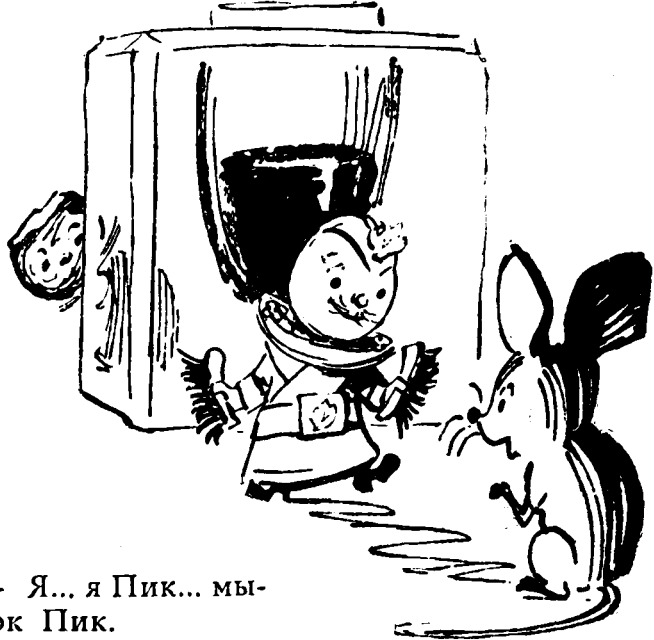
Ну-ка, щётка-мастерица,
Потрудись, дружище,
Чтобы мог солдат побриться,
Глядя в голенища.

И сапоги действительно сверкали, как два зеркала.

Пик подошёл поближе. В одном из голенищ отразились его розовые уши, нос и дрожащие усы.

Солдат поправил гимнастёрку, пригладил пшеничные усики и спросил:

— С кем имею честь?

— Я... я Пик... мышонок Пик.

— Пик? — что-то припоминая, пробормотал солдат. — Нет, не знаем таких.

— Да вы и не можете меня знать, — пропищал Пик. — Я сегодня впервые из норки вышел.

Воин показался ему очень симпатичным, и усы у него были совсем не страшные, маленькие.

— Какое же дело у тебя? — спросил солдат.

— Я ищу храброго солдата Пешкина. Может быть, вы скажете мне, как его разыскать?

— Может, да, а может, нет — нам не просто дать ответ.

Солдат сказал так потому, что был очень бдительным. Разведка вражеского короля могла подослать кого угодно, чтобы выпытать военную тайну.

— Но он мне очень нужен! Тётушка Усыша ска-

зала, что только он может спасти Пыжика! — продолжал Пик.

— Говоришь, тётушка Усыша? Это, случайно, не тётушка нашего слона?

— Нет-нет, это моя тётушка, а вашего слона я знаю. Это он рассказал нам о храбром солдате Пешкине, когда закатился в нашу нору.

— Ясно, валяй дальше!

— Я вам всё расскажу, только вы пообещайте, что отведёте меня к Пешкину.

— Это могу пообещать, он недалеко.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Храбрый солдат Пешкин отправляется в поход

Пик рассказал всё, как было. О том, как кот Василий перебил Пыжику крыло, как гонялся за ним по комнате и как унёс мышеловку в сад к пауку Лапоногу.

— Фу-фу! Те-ерпеть не могу этого кота! — закончил он. — От него за три версты кошатиной пахнет! Если б вы его только знали...

— Как же нам его не знать! Мы его отлично знаем, — сказал Пешкин. — Ещё когда Василий котёнком был, то и дело закатывал нашего брата под буфет или под кровать. А одного офицера разбойник однажды в сад уволок и катал его там, как простую деревяшку. У него и сейчас всё обмундирование исцарапано... Ах ты, старый мурло, Е-два, Е-четыре! — чертыхнулся Пешкин. — Ну, погоди, отольются тебе наши слёзы!

— А наши, мышкины, тоже? — спросил Пик.

— Точно, и ваши, — подтвердил солдат.

— Ведите же, ведите же меня скорей к храброму Пешкину! — запищал Пик.

— Вести, говоришь?.. А ты повертись вокруг своего хвоста по команде «кругом» и найдёшь его.

Пик быстро схватил зубами свой розовый хвостик и сделал один круг:

— Ну, я уже повернулся? А где же Пешкин?

— Прямо перед тобой и стоит, разве не видишь? — И солдат приложил руку к нацарапанной на его голове пилотке.

— Так это вы и есть храбрый солдат Пешкин?!

— Так точно — гвардии рядовой! Насчёт «храбрый» не нам судить, а вот что Пешкин — генерал подтвердит.

— Ой, товарищ солдат, так идёте скорей! Ведь Пыжик там пропадёт!

— Эх, беда, сразу пойти не могу, — покачал головой Пешкин. — Увольнительной нет! Шахматная служба строгая, у нас правила что устав! Прежде всего надо по начальству доложить, а лучше бы самому генералу. Короче, ты беги домой, а я уж тут сам всё улажу. — И Пешкин, чётко повернувшись кругом, направился в штаб.

В штабе главного шахматного командования шла напряжённая работа. Сам генерал с офицерами разбирал запутанную ситуацию, которую создали горе-игроки Коля и Петя. Офицеры и генерал отлично изучили все шахматные защиты: и староиндийскую, и голландскую, и все другие, но защиту с помощью чернильницы, которую придумал Петя, — «чернильную защиту», они ещё не знали. Просто никто в мире ещё не применял такой защиты.

Пешкин явился в штаб и по всем правилам шахматной игры обратился к генералу:

— Разрешите обратиться, товарищ генерал.

— Слушаю тебя, Пешкин, — отрываясь от своих важных дел, сказал генерал. — Докладывай, с чем пришёл?

Пешкин коротко и ясно рассказал генералу обо всём, что слышал от Пика, и закончил так:

— Жаль птенца, только-только летать научился. Пыжиком его звать, товарищ генерал.

— Как же, как же, помню, матери его поздравительную телеграмму посылал, — сказал генерал. — Хороший парень, только больно горячий... — и, встав со стула, добавил: — Хоть и не время, а выручать нужно! Вот что, Пешкин, поручаю это тебе. Спасёшь птенца — к награде представляю!

— Слушаюсь, товарищ генерал. Только мне бы в помощь несколько ребят...

— И то верно, — сказал генерал. — Сколько же просишь?

— Ни много ни мало — пять.

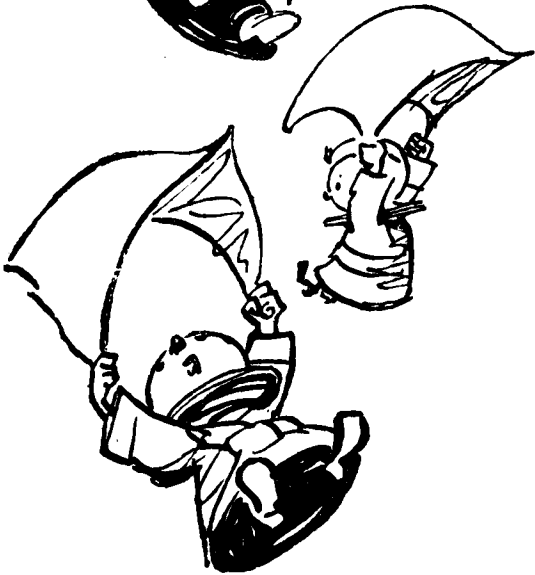
— Пять, Пешкин, не могу. Сам понимаешь — чёрные каждую минуту могут атаку начать. Бери двух — и точка.

— Есть взять двух! — по уставу отчеканил Пешкин, а про себя подумал: «Просил бы восемь — дал бы четыре. Все генералы одинаковы».

Когда всё было готово к походу, Пешкин вдруг обратился к жителям стола:

— Где же искать в саду этого паука Лапонога? Сад большой, а географической карты, как на грех, у меня нет.

— Спросите у глобуса, — забулькали чернильницы.

Но глобус пренебрежительно покачал своей круглой головой и сказал:

— Такие мелочи, как сад, на мне не указаны, пусть сами ищут.

— И поищем, и найдём! — воскликнул Пешкин. — Язык да ноги найдут дороги!

Солдаты спрыгнули на пол, и вскоре раздалась команда:

— В затылок равняйся! Прямо перед собой шагом марш!

И по паркету чётко зацокали солдатские сапоги, подбитые для устойчивости свинцом. Потом слышалась бодрая строевая песня:

Коль была б у нас
гармошка —
Веселей была б
дорожка,
А коль гармошки
не найти,
Так нам и с песней
по пути!
Е-два, Е-четыре,
Твёрже ногу,
Шаг пошире!

Без потерь
И в нужный час
Будет выполнен приказ!

Скоро песню услышали в саду, на тропинке, которая вела к кусту малины.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Как шпионы подслушали секретный разговор Пика с Пешкиным и что из этого вышло

Как только солдаты генерала сошли с доски, во вражеской армии началось оживление.

Прежде всего нужно сказать, что половина фигур этой армии была шпионами и лазутчиками и занималась только тем, что подслушивала да подглядывала за каждым солдатом противника. Шпионы забирались на чужие позиции, шныряли по окопам противника и вертелись перед генеральским штабом. Но наиболее пронырливыми были два шпиона. Прозвище одного из них было Длинноухий, другого — Головешка. Длинноухий получил своё прозвище за то, что на его деревянной голове были пером нацарапаны треугольные висячие уши, как у ищейки, но ни носа, ни глаз, ни рта не было. У Головешки был отбит череп, отчего был он на полголовы ниже всех других солдат. Однако это не мешало ему считаться лучшим шпионом.

Головешка давно заметил мышонка Пика и немедленно повёл за ним наблюдение. С одной стороны, это было простое любопытство, а с другой — очень подозрительным показался розовый длинный хвост. Он принял его за шпагу и рассуждал так:

«Если бы это существо с усами не было военным,

оно не носило бы такой длинной шпаги. Во-вторых, это существо всё время что-то вынюхивает, причём так старательно, что усы всё время ходят ходуном».

Шпион начал неотступно следовать за мышонком, чуть ли не наступая ему на хвост. Когда же он подслушал разговор Пика с Пешкиным, сомнений больше не оставалось.

— Ну, миленький Пешкин, — забормотал шпион, — теперь я в покое тебя не оставляю, всё узнаю и донесу своему королю. Уж он меня без награды не оставит... Так, так. Сейчас нужно разыскать Длинноухого и вместе с ним перебраться в штаб генерала, чтобы всё до конца подслушать!..

Позади послышался тихий свист Длинноухого.

— Где ты шатаешься? — зашипел на него Головешка. — Идём вдвоём. Одна голова хорошо, а полторы лучше! — Он щёлкнул себя по отбитому черепу и на секретном шпионском языке добавил: — Уша на макуша и всё подслуша!

Затем они пробрались к штабу и всё узнали, потому что ни генерал, ни Пешкин из истории спасения Пыжика не делали секрета.

— Вперёд, к королю! — скомандовал Головешка. — За наше чрезвычайное донесение нам окажут самые высокие почести!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как король наградил шпионов

Левый уголок доски считался королевским дворцом. Над ним нависал голубой абажур настольной лампы и проливал на шахматную доску приятную голубизну. Тут же стоял знаменитый чернильный прибор, медные части которого напоминали золо-

чѣнную ограду вокруг дворца. Перевернутое пресс-папье, обтянутое двадцатью слоями промокашки, считалось королевскими покаями и служило постелью. Простыни из промокашки были замечательным изобретением: какая бы неприятность ни случалась ночью с королѣм, промокашка всегда оставалась сухой.

Комнаты королевы находились возле гранѣных чернильниц. Ведь это были зеркала, а королева была женщиной и без них не могла обходиться. Она была большой модницей, но все еѣ платья были только чѣрного цвета. Тут же находилась и знаменитая чѣрная пудра, которой пользуются только чѣрные королевы.

Запыхавшись, Длинноухий и Головешка примчались к королевскому дворцу, но стража не хотела их пропускать.

— Не велено! — твердили солдаты. — Король почивает!

Король действительно собирался уснуть после сытного обеда, а королева примеряла новые наряды. Вечером они собирались дать бал.

Король за обедом поел лишнего и никак не мог уснуть. Он вертелся на своём высоком ложе и охал:

— Ох, подпирает! Ох, разрывает! Ох, колики донимают!..

И тут он услышал шум, который подняли шпионы, пытаясь проникнуть в покои дворца. Король вызвал дежурного офицера.

— Что за шум? Почему шум? Распустились, даже королю не дают покоя!

Офицер доложил, что это шумят шпионы его высочества — Длинноухий и Головешка, что у них какая-то важная вѣсть.

— Впустить, всё равно живот болит — спать не могу!

Шпионовпустили.

— Что заставило вас нарушить мой тихий час? — сказал король. — Если вы снова будете городить чепуху, не стоящую хода пешки, я велю вас окунуть в чернильницы головами вниз!

— О нет, ваше королевское высочество! — наперебой заговорили шпионы. — Эта весть доставит вам удовольствие.

— Удовольствие? — удивился король. — Может, у меня и колики в животе пройдут?

— Пройдут, непременно пройдут! — угодливо сказал Головешка.

— Даже сладко в животе станет! — добавил Длинноухий.

Король слез с промокашки на доску.

— Скорей, скорей говорите!

Шпионы посмотрели по сторонам — не подслушивают ли их — и хором сказали:

— Чижик, по имени Пыжик, попал в мышеловку!

— Ух ты, как интересно! — воскликнул король. — Чижик, и вдруг в мышеловку! Ха-ха-ха!.. Кажется, колики начинают у меня проходить. Вайте дальше, дальше!

Головешка сильно наступил Длинноухому на ногу, дав этим понять, чтобы он молчал, а сам продолжал:

— А генерал, чтобы выручить птенца, послал в сад храброго солдата Пешкина и ещё двух солдат... Мышеловку с чижилом сторожит сам паук Лапоног!..

— А-а-а, Пешкин! — закричал король. — С этого бы и начинали! — Он стал потирать руки, строя в уме какие-то коварные планы.

— Ну, как ваш превосходный живот: ещё не разлилась в нём сладость? — залезил Головешка.

— Надеюсь, вы не забудете наши старания и наградите нас? — согнувшись в три погибели, спросил Длинноухий.

— Конечно, конечно, награжу! — не глядя на шпионов, воскликнул король. — Вы будете очень довольны.

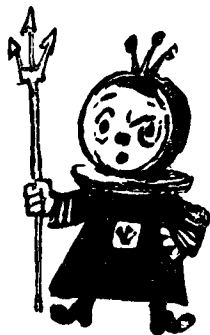
— Спасибо, спасибо! — закланялись шпионы.

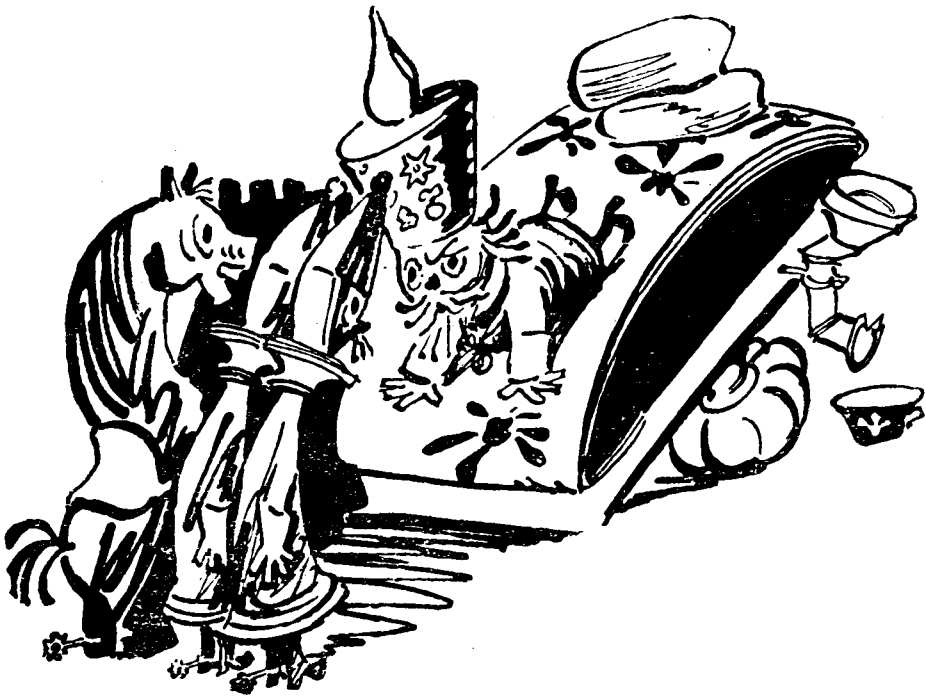
— Я велю не окунать вас вниз головой в чернильницу! Разве это не замечательная награда?!

— Замечательная, — грустно ответили шпионы. — Вашей щедрости нет границ.

— Не стоит благодарности, вас ещё не окунули. Да понимаете ли вы, какую чудесную военную операцию мы теперь совершим?! — сказал король и начал вслух соображать: — Значит, ушли в сад — раз! Трое солдат — два! Среди них знаменитый Пешкин — три!.. Здесь на доске мы войну проигрываем — четыре! Но если истребим вражеских солдат там, в саду, то перевес будет на нашей стороне! — И, приняв важную позу, затопал и закричал: — Поднять! Мобилизовать! Приказать! Послать! Объявить! Учредить! Убить! Истребить!.. Всех офицеров ко мне!

Во дворе поднялся страшный переполох. В королевскую опочивальню спешили штабные офицеры, бежала королева, скалывая на ходу булавками недошитое платье. Даже один конь в панике вскочил на королевскую постель. Бежал и придворный лекарь с тубиком клея на тот случай, если у короля отвалится деревянная голова с коронной.

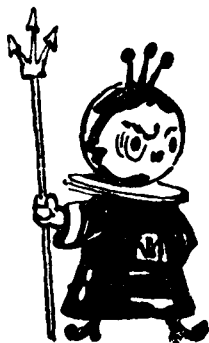

— Не нужно лекаря — моя голова на месте! — закричал король. — Усилить охрану! — Потом снова забрался на постель и объявил: — Закрытый военный совет объявляю открытым! Слушайте мой королевский приказ!

Пункт первый: немедленно выслать вдогонку за неприятельскими солдатами отряд из трёх наших бойцов во главе с верховым офицером!

Пункт второй: противника догнать, истребить! Солдата Пешкина доставить живым или мёртвым!

Пункт третий: поскольку мы теперь обязательно победим, то приказываю готовиться к балу! Задача ясна?

— Так точно! — ответили штабные офицеры.

— Всех ко мне! — приказал король.

Когда солдаты и офицеры стали в круг, король начал читать считалочку, чтобы честно выбрать участников похода:

Энэ, бэнэ,
Шах и мат.
Я солдат,
И ты солдат.
Начинается поход.
Кто пехота — тот пойдёт!

Но сколько раз ни повторял считалочку, выбор падал на него самого.

— Не может быть, я, наверное, ошибаюсь, — сказал король и поручил эту работу коню.

Конь четырежды повторил считалочку и отобрал себя, офицера и трёх солдат.

Спустя минуту чёрный офицер верхом на коне и трое солдат покинули шахматную доску.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О старом связисте пауке Лапоноге

Паук Лапоног был знаменитым связистом-телеграфистом. Куст малины, на котором он жил, считался главным центром связи. Высокие ветки слу-

жили антеннами, и от них тянулись линии во все концы сада: на телеграфные столбы и в дома. На Лапонога день и ночь работали пауки-монтёры, добавляя новые и новые линии. Паутину им экономить не надо было, она им доставалась даром — ведь они тянули её прямо из своего нутра, всё делали, как говорится, на живую нитку, по новейшему слову паучьей техники. А техника была так слож-

на, что простофили-мухи, не разбираясь в ней, то и дело попадали в паутину. Стоило мухе на самой дальней подстанции попасть в сети и поднять жужжание, как сигнал по паутине моментально попадал на центральный куст и Лапоног спешил к своей жертве.

Были у него свои подстанции и в скучных человеческих канцеляриях, где мухи носились целыми стаями. Особая линия тянулась в кухню, где жил дружок паука — кот Василий. Здесь в углу висел старый репродуктор «Рекорд». Он давно был испорчен, и весь его рупор густо обтянут паутиной. Отсюда и поступали важные сигналы от Лапонога к Василию и обратно.

Сегодня Лапоног с утра был не в духе. Толстая

зелёная муха, которую он заманивал целый час, порвала его лучшую антенну и улетела. Правда, эта муха через несколько минут попала на ленту-липучку, которая висела на окне. Но туда Лапоног не осмелился лезть, потому что сам мог погибнуть. Липучки стали серьёзными соперниками паука, и это тоже его сильно раздражало.

Когда кот Василий притащил мышеловку со своим пленником к кусту малины, Лапоног чинил свои порванные антенны. Он был так зол, что даже не ответил на приветствие старого друга, только проронил:

— Ходишь, бездельник, да песни поёшь!

— Я не бездельник, — обиделся Василий. — Сидел бы сложа лапы — не имел бы такой добычи!

— Какой такой добычи?! — всё ещё не глядя на кота, спросил паук Лапоног.

— А ты не ленись да посмотри.

— А ты подойди поближе.

— Очень мне нужно в твоей паутине путаться... Я уже давненько не имел такой добычи! — гордо произнёс кот.

Лапоног съехал на паутине вниз.

— Э-те-те! — произнёс он, увидев мышеловку. — Да это, никак, Пыжик?!

— Угадал, — ответил Василий.

— Здорово ты его упаковал! Ну что ж, отличная добыча. Давай попируем.

— Но-но, — перебил Василий. — Какой скорый! Ты сначала заработай.

— Заработать? — удивился паук. — А что я должен делать?

— Дело пустячное, — сказал Василий, усаживаясь на мышеловку. — Сиди да охраняй эту клетку,

пока я вернусь. У птенца здесь много друзей — того и гляди, прибегут и выпустят.

— Ну когда это было, чтобы от меня, Лапонога, кто-нибудь сбегал?! — надулся паук, но тут же вспомнил зелёную муху, которая недавно сбежала от него (а это видели все соседи) и закашлялся. — Гм-гм... Не беспокойся, я его паутинкой, паутинкой окручу, самой что ни на есть прочной, — и тут же принялся опутывать мышеловку с Пыжиком.

— Действуй и ни мур-мур. Ясно? А я пойду. Есть у меня там кое-какие важные делишки.

«Знаем, воришка, твои делишки!» — подумал паук Лапоног, но вслух сказал:

— Желаю удачи!

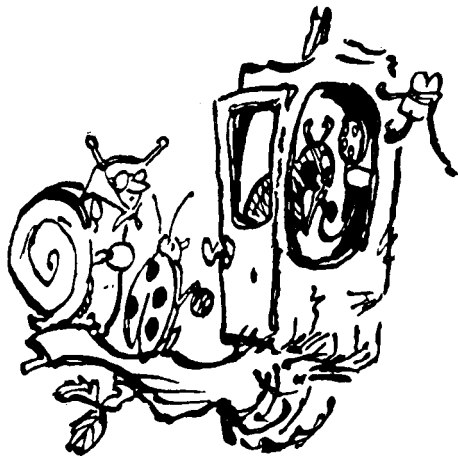
Василий погладил лапой мышеловку, осмотрел её — в надёжном ли месте стоит — и побежал в кухню искать какой-нибудь инструмент, чтобы открыть мышеловку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Как, сидя в мышеловке, можно стать знаменитым

Да, Пыжику сейчас сочувствовали все жители сада. Цветы ромашки (их называли тут Маши-Ромашки) носили ему воду. Они выискивали самые крупные студёные росинки и, надев их на коромысла из стебельков травы, подносили Пыжику. Даже бабочки-капустницы, которым ни до чего, кроме капусты, нет дела, обмахивали его рану своими крыльями-веерами.

Были и такие герои, которые тут же пытались освободить пленника. Отважный шмель, охранник цветочной клумбы, с воинственным кличем «жжу-

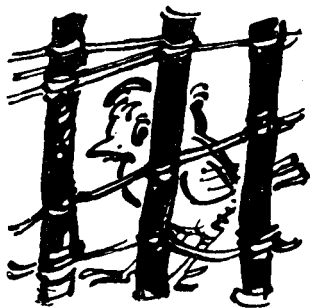

был, что находится в плену, и с любопытством разглядывал сложное устройство паучьего телеграфа. Линии вокруг мышеловки становились всё гуще и гуще.

Дело в том, что телеграф Лапонога ещё не знал та-

жжу-жжулик!» бросился на паутину Лапонога и начал её рвать. Но паутина была крепка. Храбрый шмель запутался в ней и повис, связанный по рукам и ногам.

А между тем Пыжик чувствовал себя не так уж плохо. Крыло болело меньше. Он даже за-

кой перегрузки. Жизнь в саду протекала скучновато, и мало кто беспокоил главного связиста телеграммами и телефонными разговорами. А тут вдруг такое событие: Пыжик в мышеловке!.. Телеграммы неслись из конца в конец, звонки раздавались ежеминутно. «Как чув-

ствует себя пленник?», «В каком состоянии мать пострадавшего?», «Когда ожидается приход кота?» — спрашивали любопытные. Многие телеграммы посылались прямо на имя Пыжика. «Крепись, мы с тобой!» — писали скворцы.

«Не шевели раненым крылом!» — советовали сердобольные голуби. Паучки-монтёры совсем забегались и запутались, наложив повреждения. А сам Лапоног недовольно ворчал:

— Ишь, как разошлись, ни минуты покоя нет! Подумаешь, какая важная птица этот Пыжик!..

Вокруг мышеловки толпились комары — корреспонденты местных газет. Тут были представители «Зелё-

ного листка», газеты «Вечерний звон», журнала «Отец и птенец» и другие. Корреспонденты наседали на пострадавшего и допрашивали всевозможными вопросами. Одни спрашивали, каково его здоровье. Другие интересовались, захватил ли Пыжик с собой учебники, чтобы готовить домашние уроки. Третьи просили рассказать биографию. Корреспонденты записывали ответы в блокноты и немедленно отправляли в свои редакции.

Пыжик давно позабыл о грозящей ему опасности. Он даже начал храбро покрикивать: «Что мне кот?! Что мне кот?!», а про себя думал ещё такое: «Вот я уроки в школе пропускаю, а причина у меня уважительная и к директору вызывать не будут!» И ещё думал о том, что стал известным на весь сад и одноклассники ему теперь завидуют.

Скоро Пыжику стало скучно и захотелось с кем-нибудь поболтать. Тут и помог паучий телеграф.

Одному монтеру-паучку удалось протянуть паутинку сквозь мышеловку и опутать ею лапу Пыжику. Птенец пытался высвободить лапу и поминутно дёргал ею. У него и в мыслях не было, что эта паутинка была началом линии, которая через весь сад вела прямо в дом и попадала в мышиную нору.

Когда Пыжик шевелил лапой, паутинка натягивалась и на другом конце дёргала щепочку. «Пик, пик!» — пищала щепочка. Это и был телефонный звонок. В мышиную нору редко кто звонил, и поэтому все её жильцы переполошились.

— Пик, Пик, тебя вызывают к телефону! — закричали мышата.

Пик немедленно прибежал и приложил ухо к щепочке.

Неужели вы не верите и думаете, что мышонок

ничего не слышал? Отлично всё слышал. Разве вам самим не случилось, намотав нитку на две катушки, переговариваться с дружкой из другой комнаты? Покрутишь катушку, и на другом конце слышно, как скрипит нитка. А ведь этот телефон был устроен точно так же.

Мышата окружили Пика:

— Ну что, что ты слышишь?

— Я слышу «пик-пик» и слышу «чик-чик».

Паутинка сильнее дёрнула щечку, и та очень громко сказала: «Чик-жик! Чик-жик».

— Чижик! Чижик! — запищали мышата.

— Да, — важно сказал Пик. — Это он меня вызывает! Я ему нужен по одному важному делу... — и так быстро выбежал из норы, что тётушка Усыша даже не успела спросить куда.

Поглядеть на пленника прибегали, прилетали и приползали издалека. Не случись эта история, Пыжик никогда не увидел бы странного забавного зверька, который стоял по ту сторону решётки и внимательно его разглядывал. У зверька были большие розовые уши, усы и тонкий длинный хвост. А вот крыльев совсем не было. Вместо того чтобы чирикать, он всё время попискивал и дрожал от кончика носа до самого кончика хвоста.

Это, конечно, был мышонок Пик, но Пыжик ещё этого не знал.

— Ты кто? Ты кто? — спросил он зверька.

— Я Пик, мышонок Пик.

Пыжик ничего не ответил. Пик тоже не знал, с чего начать разговор, и, вздохнув, сказал:

— А ты сидишь в нашей мышеловке...

— Если это ваша, — ответил Пыжик, — я могу немедленно уступить тебе своё место. Пожалуйста!

— Попробуй уступи! — с вызовом сказал Пик. — Ну, уступай же! Почему ты не уступаешь?

Пыжик клюнул решётку и ничего не сказал.

— Ага, не можешь, не можешь! — торжествовал мышонок. — Нечего было и хвастаться.

— Я и не хвастаюсь, — ответил Пыжик. — Только всё-таки не каждому приходится попадаться в мышеловку.

— Ну и что! — сказал Пик. — Подумаешь — герой! Сидишь за железной решёткой, и тебя никто не может сцапать, а меня может кот схватить или другой зверь. Мало ли их тут. Нас, мышей, только люди боятся. Колина мама однажды увидела в кухне тётушку Усышу и упала в обморок...

— Значит, вы очень страшные звери.

— Страшные, — сказал Пик, но вдруг задрожал, словно хотел сбросить с себя шкурку, и пропищал: — Ой, ой! Сюда идёт какой-то страшный зверь! Спасайтесь кто может!

Он исчез так быстро, как будто его здесь и не было.

Через секунду Пыжик услышал знакомую песню:

Бир-бир-бар,
Бир-бар-будл,
Бадл-дудл-Берлыдан!..

А вскоре появился и сам индюшонок. Он шёл и, как всегда, приплясывал.

— Эй, эй, чендюк! Эй, эй, Берлыдуля! — заметался в мышеловке Пыжик. — Это я, чижик! Разве не узнаёшь?

Индюшонок остановился, посмотрел через решётку на пленника, берлыкнул что-то и уже при-

поднял левую ногу, чтобы идти дальше, но Пыжик снова закричал:

— Погоди, выручи меня! Ведь я из-за тебя попал в клетку. Я хотел тебе достать заграничный цветной лоскуток... Я твой лучший друг — чижик! Помнишь, мы даже вместе плясали!

— Берлы, берлы, не знаю я никакого чижика! Много вас здесь по саду летает! И вообще, мне некогда, я приглашён на танцы, я тороплюсь!

Пыжик прижался к решётке и жалобно захныкал:

— Э-э-эй, крабы-жабы... Ты хоть маме моей скажи, что я здесь!.. Э-э-эй, это нечестно, нечестно!

Но индюшонок уже не слышал Пыжика. Он побежал на танцы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О том, как прошло родительское собрание в птичьей школе

Чижиха металась по саду и призывала всех на помощь. Она уже знала, что её сын попал в беду из-за дружбы с индюшонком. И вот, несмотря на обиду, она полетела к индюку-папе, важной птице, Берлыдуле-Берлыдану, просить его содействия. Но Берлыдуля её не принял. Он в этот день разгребал какую-то важную кучу и ни с кем даже разговаривать не хотел.

Все птицы возмущались и в один голос говорили, что должна помочь школа. Особенно настаивала на этом соседка-синица, потому что была членом родительского комитета.

Оказывается, в школе не сидели сложа руки. Это стало известно, как только секретарь директо-

ра школы сорока приколола к дереву объявление, да ещё сама растрещала об этом по саду. В объявлении было сказано:

*Сегодня в час дня в птичьей школе
состоится родительское собрание.*

На повестке дня один вопрос:

СЛУЧАЙ С ПЫЖИКОМ
И КТО В ЭТОМ ВИНОВАТ.

РОДИТЕЛЕЙ ПРОСЯТ ЯВИТЬСЯ БЕЗ ОПОЗДАНИЯ ПО АДРЕСУ:
УЛИЦА КРАПИВЫ, ДУБ № 6, ПЯТАЯ ВЕТКА.

Директор Филипп Филин

Все родители прибыли вовремя — уж очень шумела в саду история с Пыжиком. На большой пятой ветке, где проводились все школьные собрания, свободных мест не было. Чижиха сидела на первом сучке и очень волновалась.

Наконец из большого дупла появился филин. Это была важная толстая птица с огромными очками на клюве. Никто не знал, хорошо или плохо он руководит школой, но зато за версту было видно, что это директор. Филин протёр свои очки, зевнул и сказал, что сегодня на собрание приглашены знаменитые учёные-педагоги крапива и лопух, а поскольку их ещё нет — начинать неудобно.

— Подождём, — пробормотал он и вздремнул за председательским столом.

Однако ни через полчаса, ни через час учёные-педагоги не явились. Это объяснялось очень просто. Спор крапивы и лопуха пустил такие глубокие корни, что они даже на минутку не смогли вырваться в школу.

Птицы зашумели и разбудили филина.

— Пора начинать! Пора начинать! — кричали они.

Филин проснулся, нацепил на клюв очки и заявил:

— За всё, что случилось с Пыжиком на улице, школа не отвечает, и никакого индюка и кота-хулигана я не знаю!

Птицы ещё больше возмутились. Тогда директор сказал:

— Единственное, что мы можем сделать, — это дать Пыжику хорошую характеристику, хотя он её не заслужил... Бумаги с круглыми печатями иногда помогают.

Секретарь сорока тут же написала характеристику, а филин её подписал. Вот что в ней было написано:

Характеристика на ученика птичьей школы

П Ы Ж И К А

Дана для предъявления

уважаемому коту Василию с усами

Ученик птичьей школы Пыжик является хорошим учеником (уже умеет летать). На уроках ведёт себя примерно: не зевает и не ловит мошек. Участвует в общественной жизни класса и по утрам зубной щёткой чистит клюв. Дирекция школы просит уважаемого кота не съедать Пыжика ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин.

Директор птичьей школы

Ф и л и п п Ф и л и н

(печать)

Бумага выглядела очень солидно, но чижиха не захотела её брать, потому что всё равно побоялась бы вручить её коту. Кроме того, кот был неграмотен. Она расшумелась и улетела искать спасителей понадежней. Чижиха ещё не знала, что на выручку её сына к кусту малины спешил храбрый солдат Пешкин со своими друзьями-однополчанами. Столпотворение вокруг куста малины продолжалось. И, хотя телеграф был перегружен работой, Лапоног сегодня ликовал. Сети вокруг мышеловки стали такими густыми, что в них то и дело кто-нибудь попадал.

— Эх, и богатый денёк удался! — приплясывая

на своих проводах, приговаривал Лапоног. — Даже силач шмель и тот ко мне угодил!

Лапоног на радостях одну за другой слал телеграммы коту Василию:

ТОРОПИСЬ ТЧК БУДЕМ ПИРОВАТЬ ТЧК УГОЩУ МУХА-
МИ ТЧК ОБНИМАЮ ВСЕМИ ЛАПАМИ ТЧК ТВОЙ ЛАПОНОГ.

Телеграммы были очень многословные, потому что платить за них пауку не нужно было ни копейки: это был его собственный телеграф.

— Жжу, жжу, жжу! Погоди радоваться! Посмотрим ещё, чья возьмёт! — трубил шмель и продолжал вырываться из паутины.

Но скоро вдалеке послышалась строевая песня. Это солдат Пешкин со своими гвардейцами шёл спасать Пыжика.

Ну-ка, братцы, левой, левой!
Славной гвардии солдат
Королю и королеве
Может сделать шах и мат!
Мы известны в целом мире,
Мы умеем воевать:
Мушку в прорезь — Эф-четыре,
Слон Дэ-восемь, конь А-пять!

Пешкин запевал, а солдаты подхватывали, и песня лихо неслась над травой и цветами, поднимая в воздух бабочек и стрекоз.

Равнение в строю было образцовым, выправка отличная, глаза сверкали. Любо-дорого было смотреть на гвардейцев.

— Кто такие?

— Откуда?

— Куда идут? — спрашивали жители сада и спешили посмотреть на солдат.

Молодые муравьи с завистью поглядывали на

воинов. Они то забегали вперёд, то пристраивались сзади, совсем как мальчишки, когда по улице проходит полк с оркестром. А солдаты шли по строго заданному курсу. Они ступали аккуратно, чтобы не примять ни листика, ни травинки, хотя в саду не было объявлений «За хождение по траве — штраф 100 рублей!»

Солдаты прошагали половину дороги и скоро достигли бы цели, если бы... Если бы не происшествие, которое заставило их задержаться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О первом боевом задании солдата Новичка

Чёрный офицер верхом на коне и трое солдат спешили выполнить приказ короля. Задача их была сложной. Нужно было незаметно, в обход, выйти на дорогу, ведущую к кусту малины, и врасплох напасть на Пешкина и его солдат. Напасть и уничтожить. Король Смоль за эту нечестную операцию обещал офицеру высокую награду, и тот торопил своих солдат.

— Скорей, лодыри! Пошевеливайтесь! Вперёд!

И солдаты шли вперёд. Хуже обстояло с самим офицером. Он хоть и ехал верхом на боевом коне — всё время отставал и топтался на месте. Виноват был конь. Он привык скакать по клеткам, а в саду клеток не было. Поэтому он вертелся, становился на дыбы и всё время норовил повернуть назад к шахматной доске. Как ни чертыхался офицер, как ни пришпоривал коня — ничто не помогало. Солдатам всё время приходилось делать привалы и поджидать своего командира.

Вдруг конь заржал и криво, зигзагами поскакал вперёд. Он увидал клетки. Не подумайте, что в саду была шахматная доска, — нет. Просто на песчаной площадке были начерчены классы: такие же классы, какие рисуют мелом на асфальте. Играли в них весёлые девочки — Ромашки и Синеглазки.

У всех у них было только по одной тоненькой ножке, и поэтому они никогда не нарушали правил — не становились на черту второй ногой. Прежде чем бросить битку, они, зажмурив глаза, читали на память стишки:

Битка, битка,
Падай метко,
Угоди в четвёртый класс,
Ты отличную отметку
Заработаешь у нас;
Выручай меня и Зойку,
А не то —
Получишь двойку! —

а потом уже прыгали.

«Ага, — подумал офицер. — Эти классы заменят моему коню клетки, и, таким образом, я смогу верхом добраться до дороги, по которой идёт Пешкин».

Девочки так были увлечены игрой, что заметили чёрного коня только тогда, когда он вскочил на первую клетку.

— Назад! Назад! — закричали они. — Это не по правилам!

— Какие там ещё правила?! — возмутился офицер. — Куда ни повернись, всюду правила! На доске — правила, в саду — правила! Может, и вы всякие задачки решаете?

— Решаем, — ответили девочки. — Только не на этих классах, а в школьных.

— С дороги! — заревел офицер. — Не нужны мне правила и задачи!

Конь, лихо заржав, начал скакать по классам. Конечно, он вовсе не собирался играть с девочками — зачем коню классы? Он затоптал им все линии и, дойдя до последней клетки, помчался к другим классам.

Так офицер и конь догнали своих солдат и очутились недалеко от дороги. Но здесь задержался сам офицер. Дело в том, что конь завёз его в чудесный королевский хмель, из которого варят крепкое, пьянящее пиво. А какой офицер не любит пива? Таких, пожалуй, нет. И офицер не устоял перед такой крепостью — сдался. Он соскочил с коня, привязал его к веточке хмеля и сказал солдатам:

— Вот что, солдаты. Один из вас должен пойти в разведку и пронюхать, не идёт ли по дороге Пешкин. Э-э-это сделаешь ты! — И он ткнул пальцем в грудь молодого солдата, по прозвищу Новичок.

Это прозвище дали солдату не случайно. Всего три дня назад он был призван в армию короля Смолы, взамен пропавшего без вести, закатившегося неизвестно куда солдата.

Новичок был самодельной фигурой. Его Коля Пыжиков выстругал из сосновой палки и покрыл не лаком, а простой акварельной краской. Поэтому Новичок ещё не имел надлежащего армейского лоска да и пороха по-настоящему не нюхал.

— Это будет твоим боевым крещением! — сказал офицер Новичку. — Иди да смотри не заблудись. А вы, — он указал на остальных двух солдат, — ступайте в боевое охранение и не возвращайтесь, пока не позову... Я тут должен проверить, хорошо ли созрел королевский хмель.

Солдаты разошлись, а офицер тут же прихватился к хмелю. Он рвал листики и высасывал из них горькую пьянящую влагу. Конечно, не отставал от него и конь — ему ведь на роду написано питаться зеленью. Этим делом они оба и занимались. Ну, а что из этого вышло потом, мы узнаем, когда хмель ударит обоим в голову.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О том, как нечестно поступил конь со своим офицером

Скоро офицер так насосался хмеля, что стал распевать песни и плясать. Конь тоже стал хорош. Он сорвался с привязи и начал весело ржать и пританцовывать на задних ногах.

— И-ги-ги-ги! — ржал конь.

— О-го-го-го! — откликался офицер.

Кончилось это тем, что офицер возомнил себя конём, а конь — офицером. Конь начал стегать хвостом скачущего на четвереньках офицера, а потом вскочил ему на спину и пришпорил.

— Седло! Седло на меня надень! — кричал офицер.

— Вперёд! — понукал конь. — Хватит, наездился на мне, теперь я покатаюсь. Узнаешь, какова лошадиная жизнь!

Ноги у офицера подгибались, но он всё же бежал вперёд. А конь всё сильнее пришпоривал офицера. Он то пускал его в галоп, то заставлял прыгать через кочки и разные препятствия. Уж он-то отлично знал школу верховой езды и старался не пропустить ни одного упражнения. Офицер падал на колени, а конь хлестал его, подымал и застав-

лял снова скакать. И только когда перед ним оказался забор и офицер свалился в полном изнеможении, конь слез с него, легко перемахнул через препятствие и помчался куда глаза глядят.

Когда офицер пришёл в себя, то понял, что стряслась беда.

«Что делать? Что делать? — соображал он. — Мало того что я потерял солдат, так ещё и конь от меня сбежал! Если я вернусь без коня, король голову снимет!.. Нет-нет, я должен поймать его!» И офицер попробовал перепрыгнуть через забор.

Не тут-то было. Сколько ни делал он попыток, перепрыгнуть не смог. Во-первых, он отяжелел от хмеля, а во-вторых, его тянул вниз тяжёлый свинцовый груз, который находился в пятках.

Тогда он пошёл вдоль забора и шёл до тех пор, пока не обнаружил в нём узкую щель. Не задумываясь, он полез в неё головой. Офицер забыл, что, как и всякая шахматная фигура, он снизу шире, чем сверху. Дозел до половины и застрял. Ни вперёд, ни назад. Кряхтел, пыхтел, но ничего сделать не мог. Голова и плечи торчали с одной стороны, а всё остальное — с другой. Тогда он начал кричать — звать на помощь:

— Караул! Застрял! Помогите! Спасите!

Он кричал, пока не охрип, пока, утомлённый, не заснул в щели забора. Его солдаты остались далеко позади и не слышали призывов о помощи.

Но кое-кто услышал.

По тропинке, приближаясь к забору, шагала колонна из трёх солдат. Это был Пешкин со своими подчинёнными. Когда до них донеслись вопли офицера, Пешкин сказал:

— Братцы, стой, лес густой — всякое может случиться!.. Никак, кто-то бедствие терпит!

— Так точно, терпит, — ответили солдаты.

— Стало быть, приказ будет такой. — И Пешкин распорядился: — Вам — привал, мне — аврал. Ждите, пока не явлюсь! — и пошёл туда, откуда доносились крики.

Когда Пешкин очутился возле забора, вокруг уже царила тишина, прерываемая храпом, как будто где-то из мешка горох на пол сыпался. Осмотрелся Пешкин, видит — никого.

— Неужели забор храпит?! — произнёс он тихо и начал его обследовать. — Вот задача!.. — и вдруг наткнулся на офицерскую голову, торчащую из забора. — Этот ещё как сюда попал? — удивился Пешкин. — Впрочем, игры сейчас нет — на фронте

передышка. Я ведь тоже зачем-то здесь. Стало быть, и он не зря сюда забрался! Только вот зачем?.. Ага, понимаю! Это, наверное, козни короля Смоля. Он послал сюда офицера, чтоб исподтишка напасть на нас и уничтожить... Ясно! Ну ничего, сейчас я ему, как смогу, помогу, а ребятам своим прикажу, чтобы были бдительными, потому что здесь ещё, наверное, и королевские солдаты шарят... Так-так, раз голова здесь — стало быть, и ноги есть. Иначе как бы ей самой так далеко зайти?!

Он ещё раз оглядел офицера и сказал:

— Прямо скажем, положение, как с таблицей умножения! За такую стойку — офицеру двойку!

Пешкин имел дело со школьником Колей Пыжиковым, поэтому солдатские поговорки у него часто чередовались со школьными.

Сказав это, Пешкин легко перемахнул через забор. Тут он обнаружил все остальные части офицера.

— Ну что ж, пора выяснить, зачем он сюда пришёл. — И Пешкин шлёпнул его по самому широкому месту.

— Караул! Спасите! — слышалось с той стороны забора.

— Живой, бродяга, — рассудил Пешкин и снова перемахнул на другую сторону, туда, где торчала офицерская голова.

Офицер увидел солдата и от страха так завертел головой, что она чуть не отвинтилась. Меньше всего он ожидал здесь встре-

тить своего противника. Он хотел снова заорать, но передумал и попытался сделать вид, что очень обрадовался старому знакомому.

— К-какая приятная встреча! — заикаясь, проговорила голова.

— Весьма возможно, — ответил Пешкин, приложив руку к пилотке. — Чем изволите заниматься?

— М-м-м-м, отдыхаю, — ответила голова. — Приятно здесь... знаете, воздух, цветы...

— Что верно, то верно, — подтвердил Пешкин. — Ну, и как — удобно устроились?

— Ничего, — неуверенно сказала голова.

— Тогда не буду мешать. Желаю приятно отдохнуть! — Пешкин откозырнул и повернулся кругом.

— Эй, эй, не торопись, приятель! — закричал офицер.

— А я как раз тороплюсь, — на ходу бросил Пешкин.

— Всего одну минуточку, одну минуточку!

— Ну, если минуточку, тогда можно.

— Видишь ли, я уже отдохнул и хотел бы... ну, это... отсюда выбраться.

— Желаю удачи.

— Спасибо... Но я, видишь ли, сам не могу... застрял немножко. Ты помог бы, а уж я в долгу не останусь.

— Зачем же, я и так помогу. — И Пешкин направился к голове.

— А ты меня не прихлопнешь? — спросила голова.

Пешкин и не думал убивать офицера. Он был честным солдатом и уважал правила игры, как и Коля Пыжиков. Колю можно было обвинить во многих легкомысленных поступках (он же был живым мальчиком!), но обвинить в нечестности или обмане никто не мог. Таким же был и Пешкин.

— Не прихлопну, не бойся, — сказал он. — Я уважаю шахматные правила. Ведь мы с тобой не на доске, мы в саду встретились.

— Конечно, конечно... Тяни, пожалуйста, за голову, не жалей!

— Не беспокойся, не пожалею! — сказал Пешкин и начал изо всех сил тянуть голову к себе. — Ну как? — через некоторое время спросил он.

— Ох, ничего... ничего не выходит... Ты бы лучше с той стороны протолкнуть попробовал.

— Можно и с той.

Пешкин и с места толкал, и с разгону, и ногой вышибал. Забор шатался, трещал, офицер кряхтел, стонал, но по-прежнему торчал в заборе.

— Эх, уж больно широковата у тебя нижняя часть! — утирая пот, сказал Пешкин. — Один выход остался...

— Ой, какой? — спросил офицер.

— Развинтить да по частям и перекатить на ту сторону.

— Я согласен, — вздохнул офицер. — Разбирай!

Пешкин засучил рукава, поплевал на руки и принялся за работу. Сначала отвинтил зад, потом голову. Голова скатилась вниз, туловище Пешкин вы-

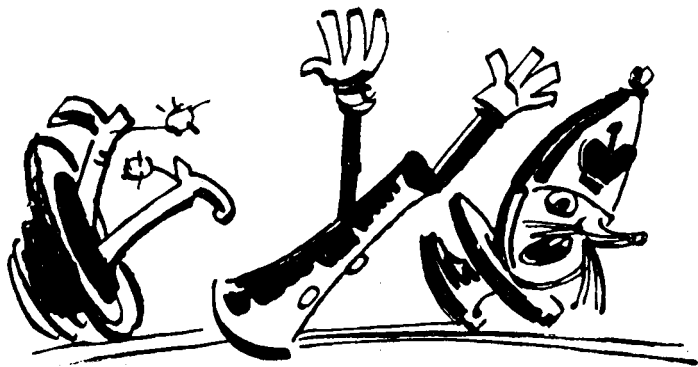
толкнул из щели рукой, а потом, сказав: «Валяй на последнюю парту!», прокатил нижнюю часть.

— Ну, вот и всё в порядке, так сказать, в лучшем виде! — любуясь своей работой, произнёс Пешкин.

— То есть, как это — в лучшем виде? — сердито спросил офицер, пересчитывая свои разрозненные части.

— А чего ж большего желать? Теперь ты на свободе и можешь продолжать отдых, хоть вместе, хоть по частям: как пожелаешь.

— Но я требую, чтобы ты меня собрал! Я приказываю! — заорала офицерская голова.

— Нет уж, от приказов уволь, у меня свои командиры есть, — сказал Пешкин. — Когда просил — помог, а раз приказываешь — уйду.

Офицер уже не мог сдержать своего гнева, голова его орала и каталась по траве.

— Посажу! Убью! Вот погоди, встретимся ещё на доске!

— Обязательно встретимся, и не раз, — спокой-

но ответил Пешкин. — А пока — до свидания. У меня дела поважней: живую душу выручать надо! Вот выполню приказ, а потом и за тебя возьмусь. Так что потерпи малость. До скорой встречи! — И Пешкин пошёл к своим солдатам, оставив на траве разобранного офицера.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О чём думал Новичок в разведке, о весёлой красавице Маше-Ромаше и целебных каплях «вытьюс-окрепнус»

Новичок хоть не участвовал ещё в боевых шахматных операциях, трусом не был. Да и откуда ему было знать, что такое страх? Всё своё детство провёл он в дремучем лесу, на стволе своей материсосны. Жил под открытым небом и не боялся ни тёмной ночи, ни ухающих криков совы, ни грома, ни молний. Ветры трепали его упругие колючие вихры, ливни окатывали с головы до ног, а солнце немилосердно жгло, закаляя молодое тело. Вот и сейчас, идя в разведку, он чувствовал себя здесь как дома, среди родных и друзей. А может быть, ему казалось, что он в пионерском лагере, который раскинул свои палатки в сосновом лесу. Идёт пионерская игра, он, разведчик отряда, ищет противника и незаметно пробирается в густой траве. Эти мысли могли ему передаться от Коли, которому вспомнился пионерский лагерь, когда он вырезал Новичка из пахучей сосновой ветки. Всё могло быть, ведь в мысли другого не заглянешь.

День удался на славу, и всё живое ликовало. В воздухе над сосновым солдатом, как вертолёты, замирали стрекозы, кузнечики прыгали прямо к его

ногами, и ленивые жуки не спешили уйти с его дороги.

Новичок в душе был поэтом и мечтал писать стихи о солнце, о ветре и об отважных и добрых лесных жителях. Но сейчас он старался об этом забыть, потому что был солдатом и хотел добросовестно выполнить приказ командира.

Вдруг невдалеке от него послышался поющий весёлый, звонкий голос. Песенка приблизилась, и Новичок расслышал её слова:

Тинь-тинь,
Тень-тень,
На дворе хороший день,
Я бегу, бегу бегом
По дорожке босиком;
Шишки на дорожках
Колют мои ножки,
Шিশечки зелёные,
А ножки закалённые!

Новичку очень понравилась песенка, и ему захотелось узнать, кто поёт. Он осторожно раздвинул траву и выглянул на тропинку, ту самую тропинку, по которой должен был пройти Пешкин со своими солдатами. Но по тропинке вприпрыжку бежала девочка. Её загорелые босые ножки были запылены, глаза весело блестели, а ветер развеивал лепестки белой юбочки. Это была Маша-Ромаша, одна из тех девочек, которые хороводами и песнями утешали пленного Пыжика.

Маша-Ромаша была очень хороша, так хороша, что даже деревянное солдатское сердце не могло устоять перед её красотой. Новичку она так понравилась, что ему захотелось тут же дёрнуть её за

косичку, а потом, взяв за руку, побежать рядом вприпрыжку.

«Нельзя мне! — в последнюю минуту решил Новичок. — Ведь я — солдат и нахожусь при исполнении служебных обязанностей».

Только он так подумал, как с другой стороны появились три воина. Маша-Ромаша остановилась, перестала петь, но не удрала. А солдаты подтянулись, выровняли строй и чётче взяли ногу. Когда они поравнялись с Машей-Ромашей, солдат, который шёл первым (а это был Пешкин), лукаво подмигнул своему войску, выкатил грудь колесом и лихо затянул:

Шли солдаты по панели,
Армия, бригада ли, —
Все красавицы глазели,
С окон чуть не падали.

Песня оборвалась, и Пешкин скомандовал:

— Армия, слушай мою команду! На красавицу равняйся! Ать-два!

Солдаты, как один, повернули головы к Маше, и

в тишине гулко и воинственно застучали сапоги:
«Шах-мат, шах-мат!»

«Да как они смеют насмеяться над беззащитной и безоружной девочкой!» — возмутился Новичок и хотел выйти из укрытия, чтобы заступиться, но не сделал этого. И не потому, что испугался, а потому что Маша-Ромаша ни чуточки не обиделась. Она только спросила:

— А вы меня бить не будете?

— Ещё не знаем, — ответили солдаты.

— А я вас не боюсь, не боюсь! — сказала Маша. — Куда вы идёте?

— Так что, красавица, находимся в походе, а куда идём — военная тайна! — ответил Пешкин.

— А вы всё-таки скажите! — настаивала Маша. Она была девочкой, а девочки все любопытны.

Пешкин посмотрел на своих солдат и, подмигнув, ответил:

— Прodelали мы немалый путь и не мешало бы нам водицы хлебнуть.

Он потрогал свои светлые усики и выставил вперёд правую ногу. Сапог заблестел на солнце, как зеркало. В сверкающем голенище отразились и небо, и облака, и деревья, и цветы. Маша не удержалась и, заглянув в голенище, поправила свои кудри.

Пешкин стоял перед ней подтянутый, бравый и бесстрашно смотрел ей в глаза. По всему было видно, что это бывалый воин. Даже Новичок залюбовался храбрым солдатом. Эх, если бы он был таким же бравым и бывалым воином, он бы тоже сейчас стал перед ней и тоже посмотрел бы прямо в глаза. Но он был новичком, неотёсанным, без блеска — простой деревяшкой...

Мысли Новичка перебила Маша-Ромаша. Она сказала:

— Вы нехорошие, скрываете от меня свою тайну, а у меня от вас тайны нет... Ага!

Ей не терпелось поскорей рассказать новым знакомым, зачем она сюда прибежала.

— Любопытно, — заметил Пешкин. — Очень даже любопытно.

И Маша рассказала:

— Вот здесь, — она протянула руку туда, где росла сочная высокая трава, — течёт родничок. Его вода целебная, лекарственная. Наши врачи её называют «выпьус-окрепнус» и прописывают всем детям по три капли перед едой. Эту воду я ношу Чижику-Пыжику, которого сторожит злой паук Лапоног.

— Так вот оно что! — переглянулся Пешкин

со своими солдатами. — Стало быть, нам с тобой, красавица, по пути. Да и неплохо бы приложиться к родничку, потому как нам, солдатам, «выпьюс-окрепнус» перед горячим делом иногда разрешается.

Все трое направились к родничку и, наклонясь над ним, сделали по три глотка, то есть по три капли, как советовал врач. Маша-Ромаша сорвала тонкий стебелёк, опустила в родничок один его конец, потом другой, и на нём повисли крупные сверкающие капли.

Когда все вышли снова на тропинку, Пешкин сказал Маше-Ромаше:

— Разрешите помочь.

— А ты не разольёшь? — спросила Маша.

— Мы и не с такими поручениями справлялись! — ответил Пешкин и переложил коромысло на своё плечо.

Новичку очень хотелось пить, но он давно забыл об этом. Он готов был расколоться на мелкие щепочки, только бы очутиться на месте Пешкина или хотя бы идти с ними рядом. Ему уже давно понравился смелый генеральский солдат. «Они вместе идут делать доброе дело, — думал Новичок. — А я должен им помешать, предать честного солдата!.. Почему они все так стараются помочь какому-то Пыжику? Что там происходит?.. Вот пойду и посмотрю!» — решил Новичок.

Может, ему не столько хотелось узнать, что происходит с Пыжиком, сколько ещё раз посмотреть на весёлую девочку Машу-Ромашу. Но он себе в этом не признавался.

Пешкин и Маша-Ромаша шли рядом по тропинке и о чём-то болтали, а позади топали солдаты.

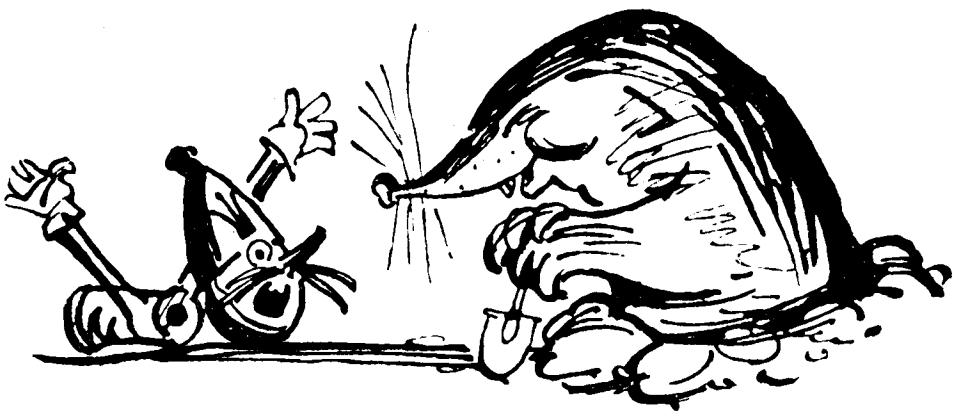
Новичок пригнулся и поспешил вперёд, где перебежками, где по-пластунски, чтобы незамеченным добраться до того места, куда торопились солдаты и Маша-Ромаша.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О том, как крот оказал офицеру медвежью услугу

Всё это время чёрный офицер лежал разобраный под забором и ничем не мог себе помочь. Голова чертыхалась, ругалась и наконец утихомирилась.

Вдруг земля зашевелилась, и снизу что-то начало толкать и подбрасывать. Наконец почва прорвалась, комья земли полетели в разные стороны, и на по-

верхности появились две когтистые лапы и усатый нос. Офицерская голова откатилась в сторону, а рядом раздался чей-то бас:

— Тёмная ночь!.. Удрал дожdevик, кирпич ему на пути!

Эти слова сказал крот и наполовину высунулся из норы.

«Почему «тёмная ночь», когда вокруг так светло? — подумала офицерская голова. — А впрочем, какая разница, что думает о солнечной погоде этот зверь. Раз он чёрный, то мне не стоит его бояться». И голова сказала:

— Приветствую чёрного брата!

— Это что ещё за родственники у меня объявились? — спросил крот, разнюхивая воздух.

— Ты чёрный, и я чёрный, — сказала голова.

— И ты под землёй живёшь?

— Нет, не живу под землёй, но сейчас я готов сквозь землю провалиться.

— Ага, наверное, от тебя тоже жирный червяк сбежал?

— Зачем — червяк, у меня конь сбежал! Пони-маешь?

— Стал бы я из-за коня переживать! — усмехнулся крот. — Вот червяк-дождевик — это стоящая вещь!.. Сейчас поймаю его! — И крот начал опускаться вниз.

— Тьфу! — плюнула офицерская голова, но тут же закричала. — Стой, стой, погоди! Не лезь в свою нору!

— А зачем я тебе понадобился? — остановился крот.

— Я доблестный офицер шахматного короля Смоля! Слышал ли ты о таком?

— Как не слышать?! Слышал. Когда под Колиным домом ходы свои рыл, мне мыши про его разбойные дела рассказывали. Старый мошенник!

Офицеру очень не понравились слова крота, но всё же он произнёс:

— Помоги мне! Ты разве не видишь, что я на три части разобран?

Крот о своей слепоте умолчал и спросил:

— И часто это с вашим братом случается?

— На войне всё бывает. Может и на сто частей разорвать.

— Что же я должен с тобой делать?

— Собрать, свинтить.

— Ладно, сейчас, — проворчал крот.

Потом стал щупать вокруг себя землю. Нашёл все три части, сгрёб их и начал свинчивать.

— Я доложу королю Смолю о твоей услуге; и он тебя щедро наградит! — пообещал офицер.

— Обойдёмся без его щедрости, — сказал крот, колдуя над офицером. Потом усмехнулся: — Всё в порядке, воюй дальше!

Офицер встал и почувствовал что-то неладное. Голова вроде была на месте, ноги тоже, а вот в середине было не так, как прежде: все внутренности переместились. То, что раньше было вверху, — теперь внизу, и наоборот.

— Что ты со мной натворил?! — закричал офицер.

— Что сделал, того не переделаю. Я слепой — с меня взятки гладки! — и полез в нору.

— Стой, стой, старая землечерпалка! погоди, это тебе так не пройдёт! — Офицер бросился было вслед за кротом, но остановился, потому что в животе сильно заурчало.

Крот знал, что делал. Ощупав туловище офицера, он определил, где плечи, где живот, а потом к животу приладил голову, а к плечам тяжёлую свинцовую подставку.

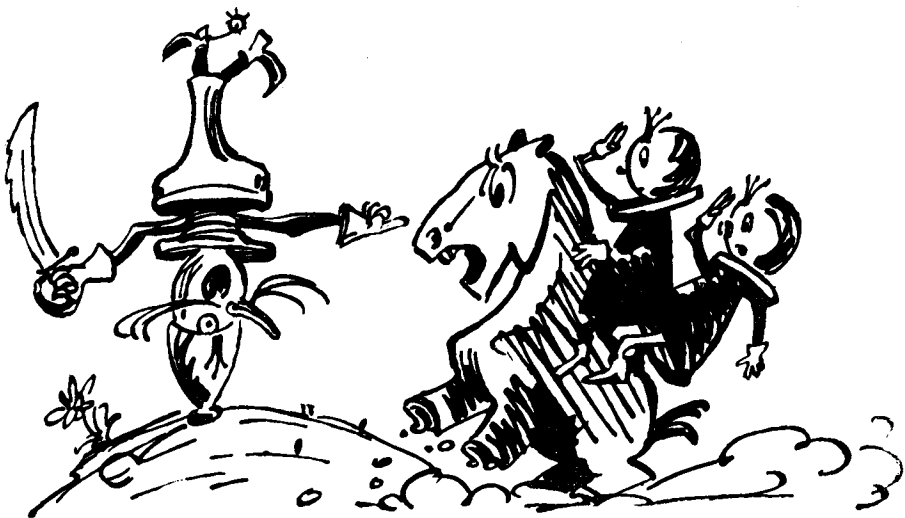
Теперь у офицера всё время было желание стать

вниз головой, потому что фигура его была перевёрнута и сердце уходило в пятки.

В таком виде он и пошёл разыскивать своих солдат. Однако солдаты сами обнаружили своего офицера. Целый час они болтались без дела. Из-за укрытия они видели Новичка, который неотступно следовал за Пешкиным и Машей-Ромашей. Но ведь им не было приказано следить за Пешкиным, и они решили немного отдохнуть и перекинуться в кости. Они б и продолжали бездельничать, если бы на них неожиданно не наскочил взбесившийся чёрный конь.

Обнаружив, что конь без седока, солдаты поймали его, уселись на него верхом и поехали на розыски офицера. Поэтому им и удалось первым обнаружить его.

— Где вы шатались, чёртовы деревяшки, тура вам в бок? Аш-шесть, Эф-восемь! — выругался офи-

цер на шахматном языке. — Пешкин уже был у меня в руках, а вы куда-то исчезли!

Он открыл было рот, чтобы ещё что-то сказать, но в перевёрнутом туловище так заурчало, что конь испугался и стал на дыбы. Солдаты свалились на землю, потом вскочили на ноги и доложили, что готовы в любую минуту принять бой — была бы только команда.

Поскольку воевать было не с кем, офицер спросил:

— Где Новичок?

— Находится в разведке, — доложили солдаты. — Мы видели, как он бежал за Пешкиным и его солдатами.

— Бежал, говорите?! Ах вы, ротозеи! Так ведь Новичок может перебежать к нашему противнику, изменить своему королю! Он же недостаточно чёрный!

— Так точно, — сказали солдаты. — Мы до этого не додумались.

— Хватит! — рявкнул офицер и стал вниз головой. Так ему было легче. Потом снова перевернулся на ноги и вскочил на коня. — Вперёд! За мной! Мы должны немедленно поймать Новичка!

Офицер поскакал в сторону, где рос куст малины, а солдаты побежали следом за ним.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О том, как Новичок попал в сети паука Лапонога

Новичок всё шёл и шёл, по временам раздвигая густую траву. Он хотел ещё разок взглянуть на Машу-Ромашу. Колючие шипы кустарника царапали

его лицо и тело. Гвоздь, торчащий из пня, сорвал с него чёрную кожицу, и на этом месте появился белый шрам. Вдруг он услышал могучий гуд: «Гу-у-у! Жжу-у-у!»

Новичок поднял голову и увидел большого шмеля, пойманного паутиной.

Шмель гудел натужно, как трактор, который пытается сдвинуть с места тяжёлый прицеп. Но паутина его не отпускала.

— Куууда лezzзешь! Куууда! — загудел шмель, когда Новичок очутился рядом с паутиной. — Увязззнешь! Увязззнешь!

Шмель предупреждал деревянного солдата, но тот не слушал его. Он упрямо продирался вперёд, пока не запутался в цепких нитях паутины. Зато

теперь он видел мышеловку и пленника, который чирикал и бил клювом в проволочную решётку. Мышеловка была густо опутана паутиной, и, если бы даже дверца её была открыта, вырваться из неё всё равно было бы невозможно.

Птенец был совсем молодым, и, хотя он беззаботно чирикал, Новичок понял, что положение его очень опасно. Ему стало жаль беднягу. Сам он начал рвать паутину, но чем больше вертелся, тем больше запутывался. Деревянное сердце солдата стучало, как колотушка, а на лбу выступили капельки древесной смолы.

— Увяззз! Увяззз! — гудел шмель. — Вот сколько сегодня несчастий из-за птенца! Глупый Пыжжж! Иш-шь, сидит героем да поглядывает по сторонам!..

И Пыжик действительно чувствовал себя героем дня. Ещё бы! Все вокруг хлопочут, волнуются, говорят только о нём. Телеграф Лапонога продолжал слать телеграммы во все концы сада. Паутина тряслась и звенела от перегрузки. Гусеницы распечатали эту весть на свежих листиках. Это был специальный выпуск газеты «Зелёный листок», которую расхватывали и жевали все насекомые. Пыжик был в центре внимания и, забыв о грозящей ему опасности, гордился своей славой. Он даже начал храбро почирикивать: «Чив-чив! Чив-чив!» Дескать, вот я каков!

— Пой, пой, дуралей! — потирая лапы, говорил паук Лапоног. — Теперь твоя песенка спета! Придёт кот Василий, и мы с ним закатим знаменитый пир, какого не знавал ещё этот сад. — И паук одну за другой слал депеши коту Василию.

Но кот Василий не отзывался и не появлялся в саду. Он уже давно был бы здесь, если бы сам вре-

менно не попал в переплёт, в плен, из которого выбрался чудом.

Но об этом после.

Паук Лапоног, подсчитывая жертвы, ползал по своим владениям и наткнулся на Новичка.

— Это ещё что за чурбан?! — заорал он. — Вон отсюда! Только место зря занимаешь! Сюда угодила бы парочка жирных мух... Вон! Вон!

Но Новичок уже перестал бороться с паутиной — устал. Если бы он и вырвался, то сейчас, первым делом, бросился бы выручать Пыжика. Он твёрдо решил не возвращаться к королю Смолю. Но пока что обессиленный сосновый солдат висел на паутине и ожидал своей участи. Здесь и застали его офицер и солдаты. Они стояли в укрытии и гадали, зачем Новичок забрался в паутину.

— Он это сделал умышленно! — проскрипел офицер. — Он просто удирал от нас. Он нарочно залез в паутину, чтоб мы не могли к нему подойти. Но мы его выудим, вырвем оттуда! Вперёд!..

Они бросились к Новичку, но... Здесь мы вынуждены приостановить рассказ и вернуться в дом, чтобы узнать, что произошло на шахматной доске во дворце короля Смоля и по какой причине задержался кот Василий.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О том, какой бал закатил король Смоля и чем он закончился

Во дворце короля Смоля бал был в полном разгаре. Король не сомневался в победе и веселился вовсю. Танцующие пары так лихо отплясывали на шахматном паркете, что из чернильниц вылетали

фонтаны брызг. Королева не пропускала ни одного танца. Бесстрашные офицеры подходили к её величеству и с поклоном, вежливо приглашали на очередную танец.

— Гранд плиссе, рахада вальсэ! — говорили они. И королева, как всегда, отвечала:

— Гардэ ля моль, тура дэ мозоль!

А потом кружилась со своим кавалером.

Сам король Смоль хватал гостей за руки и пел:

Е-два, Е-четыре,
Станем дружно,
Круг пошире!
Эф-шесть, Цэ-семь,
Будет весело нам всем!

И фигуры танцевали до упаду. Когда же всех пригласили к столу, который был не чем иным, как Колиным пеналом, гости начали произносить громкие хвалебные речи, прославляя мудрого, храброго

короля Смоля и мужество его жены королевы. Ораторы превозносили небывалую в истории шахматных войн хитрость короля. Они разбирали сложные комбинации, защиты, вилки, которых и в помине не было, а неправильные ходы Пети Петушкова считали вершиной шахматной науки.

Когда ораторы смолкали, гости хором кричали королевской чете:

— Физкульт-тура! Физкульт-тура!

Придворные подхалимы договорились до того, что заявляли, будто все удачные атаки и военные комбинации мудрый король придумал своей собственной деревянной головой.

Веселье продолжалось, и гости уже кричали:

— Да здравствует славная победа!..

Но в штабе генерала не дремали. Разведка работала чётко. Генерал по-своему собирался чествовать

своего противника, чёрного короля. Фейерверк из пушек и массовая атака — чем не подарок для зазнавшегося вояки Смоля?!

Война есть война, и праздновать на ней положено только достойные победы. Но если в мирные дни запрещено нарушать покой веселящихся, то на войне это дозволено.

Штабные офицеры генерала с трудом разобрались в запутанной ситуации, которую создали на доске Коля и Петя, и предложили план наступления.

Когда из генеральских тур дали залп по дворцу и солдаты начали атаковать королевскую охрану, в зале началась паника. Гости бегали из угла в угол и прятались друг другу за спины.

— Спокойно! Спокойно! — кричал король Смоль. — Танцуйте и веселитесь! Ничего страшного не может произойти, наши доблестные войска надёжно охраняют мои покои. Генерал не может сейчас начать наступления, потому что отправил в дальний поход своего самого храброго солдата Пешкина и ещё двух солдат! — И тут он раскрыл перед всеми свой план: рассказал о том, что вслед за ними послал верховного офицера и трёх чёрных воинов, которые уже давно, наверное, покончили с солдатами противника.

Когда же снова загремели генеральские туры и послышалось «ура», суматоха во дворце ещё больше усилилась.

Гости в панике сталкивались друг с другом деревянными головами, отчего в комнате стоял беспрерывный треск. Чёрные офицеры, которые ещё недавно бесстрашно танцевали вальсы и польки, сейчас все, как один, прятались за юбку королевы.

Король Смоль забрался за Колин пенал и боялся высунуть оттуда свою корону.

Плохо пришлось бы королю Смолю и его армии, если бы именно в это время не явились Коля и Петя. Они уже успели помириться и собирались продолжать партию. Но фигуры на доске были в страшном беспорядке.

— Видишь, к чему приводит нечестная игра! — сказал Коля.

— Ладно, я же дал слово, что больше не буду ошибаться! — Петя никогда не употреблял слово «мошенничать».

Когда же игроки попытались продолжать партию, то выяснилось, что многих фигур не хватает.

— Что же это значит?! Даже Пешкина нет! — удивился Коля. — А ну, выворачивай карманы!

Петя вывернул все карманы наизнанку. На столе образовалась гора всяких вещей. Тут были и гвозди, и части от металлического конструктора, и акварельные краски, и два грецких ореха, и старый билет в кино, и спичечная коробка с майским жуком, и почерневшая от времени конфета-тянучка, и лента от пишущей машинки, и почтовые марки, но шахматных фигур не было.

— Ну что, нашёл? — спросил Петя.

— Эх, — почесал в затылке Коля. — Но где же всё-таки Пешкин, где конь, офицер и новый солдат, которого я сам недавно сделал?..

Ребята обшарили все углы, даже на шкафу искали, но недостающих фигур нигде не было. Тогда они пошли в столовую. Искали там.

— Послушай, где мышеловка? — спросил Коля.

— Что я, мышей ловлю, что ты у меня спрашиваешь? — обиделся Петя.

— Стой, стой, стой! — спохватился Коля. — Знаю, чья это работа! Знаю, кто мои фигуры всегда закатывает!..

Кот Василий в это время находился на кухне. Может, он давно нашёл бы нужное средство, чтобы открыть мышеловку, но обжора наткнулся на помойное ведро и в нём обнаружил щучьи головы — остатки обеда. Василий не мог пройти мимо этой находки. В его зубах хрустели рыбы кости, а сам он думал о том, что в брюхе ещё найдётся место и для птенца.

Когда на кухне появились Коля и Петя, Василий спокойно домурлыкивал вторую щучью голову. За этой работой и застали его игроки.

— А ну признавайтесь, ваше мурлычество, чьи проделки? — спросил Коля, склонившись над обжорой.

Но тот даже не соизволил ответить, только облизнулся и выгнул спину дугой.

— Не признаёшься? — закричал Коля. — А я всё по твоим глазам вижу, шкода!

— Давай-ка я с ним поговорю, я с котами ловко справляюсь, — предложил Петя. — Сейчас проведу следствие, а потом вынесу приговор.

Но Коля знал, как Петя обращается с котами, и не захотел поручать ему этого дела. Он сам схватил Ваську за шиворот, потрепал, бросил в чулан и захлопнул дверь:

— Вот посидишь тут, пока фигуры не найдутся, тогда будешь знать, как отмалчиваться!

Васька взвыл, а потом голос его приглушила закрытая дверь.

— Нарисуем недостающие фигуры на бумаге и будем продолжать, — сказал Коля.

Петя согласился, и игра была продолжена.

А между тем из чулана всё громче неслись вопли Василия. Кот метался в своей тюрьме и искал выход.

— Рыбья кость! Мышиные уши! — ругался он. — Если я тут просижу ещё полчаса, кто-нибудь выпустит Пыжика... Ай-яй-яй, пропадёт такой обед! Такой Пыжик! Ай-яй-яй!.. — И он бросался на дверь чулана, царапая её когтями.

Но Коля и Петя зажали уши и продолжали игру.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Как подчинённые короля Смоля судили Новичка

С помощью коня офицеру и солдатам удалось вырвать Новичка из паутины. Они оттащили его подальше от мышеловки под широкие листья лопуха.

— Будем судить по всем правилам! — сказал офицер. — Именем короля! Я буду прокурором, вы, — он указал на солдат, — судьями, а конь — защитником.

Солдаты дружно рявкнули:

— Слушвашвысблаг! — что значило: «Слушаемся, ваше высокоблагородие!»

Конь в знак согласия щёлкнул копытами и потрянул гривой. Затем офицер спрятался за кочку, напустил на себя великую важность и, выйдя оттуда, сказал басом:

— Встать, суд идёт!

Солдаты взяли руки по швам, а конь заржал.

— Нечего ржать! — крикнул офицер. — Это вам не комедия, а королевский суд. И потом нас

может услышать Пешкин. — Он пугливо посмотрел по сторонам и кивнул головой судьям: — Продолжайте!

Но солдаты стояли «смирно» и молчали. Тогда офицер махнул рукой и взял слово сам:

— Именем короля Смоля судится солдат Новичок за измену присяге!

— Но я ведь ничего такого не сделал! — хотел оправдаться Новичок.

— Как это — ничего?! Вместо того чтобы доложить мне, где находится противник, ты бежал за ним. Ты хотел сдаться в плен и перейти на его сторону. Но тебе мешал чёрный цвет, и ты начал стирать с себя нашу благородную чёрную краску. Посмотрите, на его груди белая полоса!

Новичок прикрыл рукой шрам. Только сейчас он заметил, что от него откололась щепочка и обнажила белое сосновое дерево. Это случилось тогда, когда он бежал за Машей и Пешкиным.

— Доказательство налицо, и оправдания тебе нет!.. Ваше слово, судьи! — сказал офицер и ткнул солдат кулаками в бока. — Говорите: какую придумаем казнь?

— Рррасстрелять! — рявкнули хором судьи.

— Затоптать! — сказал защитник конь.

— Нет, нет! — замахал руками офицер. — Это не казнь для соснового солдата. Я придумал штуку пострашнее. Мы эту щепку расколем! Да, да, расколем на четыре части, чтобы его и склеить нельзя было...

Солдаты разбежались в разные стороны искать орудие для казни.

Именно в это время Пешкин со своими солдатами и Маша-Ромаша подошли к мышеловке.

— Здесь Пыжик! Спасите его! — взмолилась Маша.

— Затем мы сюда и шли, — сказал Пешкин, разглядывая мышеловку, опутанную паутиной.

Но вдруг листья на кусте затряслись, и сверху послышалось громкое шмелиное жужжание:

— Я вижду, вижду! Ужже ссудят!

— Кого там ещё судят? — оглянулся Пешкин.

Но Маша успела уже всё заметить.

— Скорее! Скорее! Смотрите, что они с ним делают! — крикнула она и потащила Пешкина к месту казни.

— Да это, никак, вояки короля Смоля?! — удивился Пешкин. — И Новичок тут?! Э-э, да они его вроде хотят расколоть?!

Офицер и конь с двух сторон держали Новичка, а солдаты тащили к ним старый заржавленный перочинный нож.

— Нет, я этого так не оставляю! — решительно сказал Пешкин. — Пока кота Василия нет, надо выручать беднягу!

— Вот я им сейчас задам! — закричала Маша и хотела туда бежать, но Пешкин преградил ей дорогу.

— Нет уж! Воевать — дело мужское, солдатское! — и скомандовал: — Солдаты, вперёд! В атаку!

Но Маша была из тех девочек, которые не боятся драк и, если нужно, могут за себя постоять и дать сдачи. Она сказала так:

— Девочки на войне бывают медицинскими сёстрами. Если кого-нибудь из вас поцарапают или ранят, я перевяжу!

Пешкин ничего не сказал, потому что ему хотелось, чтобы Маша была рядом.

— Делают своё чёрное дело! — зло прошептал он. — А ведь их-то четверо: офицер, конь и двое солдат!.. Да, голыми руками их не возьмёшь!..

— А я знаю, а я что-то знаю! — сказала Маша-Ромаша. — Тут недалеко стоит какая-то пушка и копьё рядом лежит. Пойдёмте я покажу.

То, что Маша назвала «какой-то пушкой», оказалось Колиной чернильницей-невыливайкой, а копьё — простой ручкой с заржавевшим от времени пером. Видно, Коля когда-то здесь потерял их. Трава выросла, стала густой, и найти их он не смог.

— Так это же учебные орудия моего Коли Пыжикова! — сказал Пешкин. — Мы их применим против нашего врага. Как говорится: «Где смекалка и сноровка, там и палка что винтовка!..»

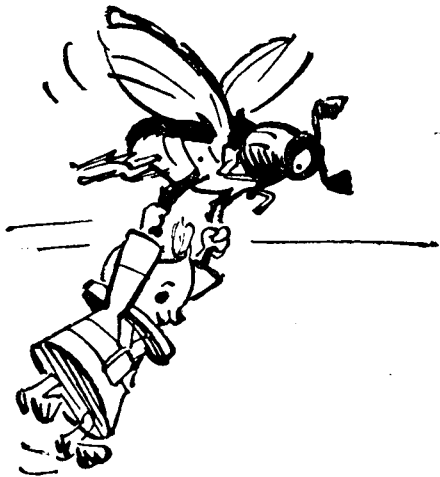
Пешкин наклонил невыливайку и заглянул в неё.

— Это отличная крупнокалиберная пушка-гаубица! Заряжена отличными чернилами! Сейчас как шарарахнем по врагу — за год не отмоются! — и покатила чернильницу на позицию.

Маша, взяв ручку наперевес, словно это было копьё, подражая Пешкину, сказала:

— Пригодится эта ручка, тоже остренькая штука!

Когда пушка-невыливайка была установлена и

жерло её направлено на врага, Пешкин предложил:

— А что, ребята, если мы им десант в тыл забросим, а?

— Отличная мысль!

— Здорова придумано! Только как мы туда перелетим, если у нас ни истребителей, ни бомбовозов нет?

— Всё будет, — сказал Пешкин и зашептал что-то на ухо Маше-Ромаше.

Она захлопала в ладоши и куда-то исчезла. Не прошло и минуты, как она вернулась назад, ведя на поводках двух майских жуков.

— Чем не бомбовозы?! — сказал Пешкин. — А ну-ка, братцы, хватай жуков за лапы!

Солдаты выполнили приказание, а Маша и Пешкин начали щекотать жуков под крыльями, как будто заводили моторы. Жуки загудели и взвились в воздух. Таким образом, десант из двух солдат был заброшен в тыл противника.

Пешкин скомандовал:

— Приготовиться к бою!

— А как же мы будем стрелять из чернильницы, если она невыливайка? Из неё ведь ни одной капельки не выльется! — воскликнула Маша.

— Эх, Маша ты Ромаша! — покачал головой Пешкин. — Сразу видно, что ты плохо знакома со школьными принадлежностями. Где ты видела невыливайку, чтобы из неё не проливались чернила? Всё зависит от того, какому ученику она в руки попадёт. У иного школьника из невыливайки выливается вдвое больше чернил, чем может поместиться. Даже учителя удивляются! А вот, говорят, есть ученики, у которых простые чернильницы ни капли не проронят. Правда, я таких учеников ещё не встречал...

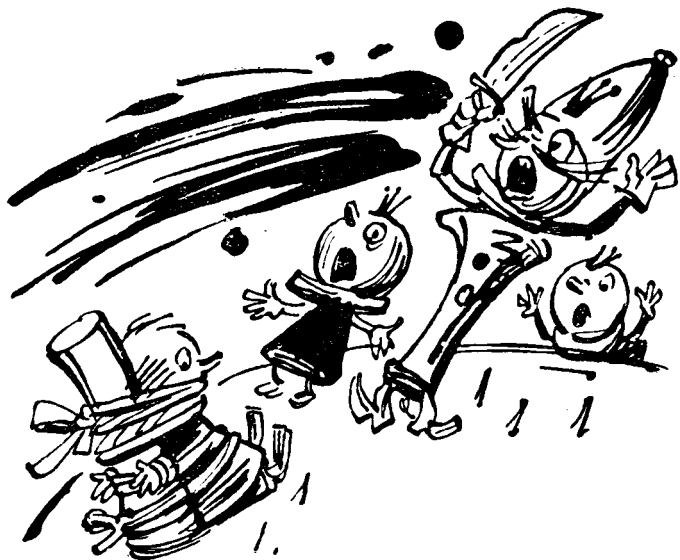
В это время до них донёсся голос офицера:

— Именем короля...

Это он отдавал приказание казнить Новичка.

— Скорей, скорей! — затопала ножками Маша. — Стреляй!

Пешкин схватил тяжёлый сучок и крикнул:

— Орудие, слушай мою команду! Прицел — Е-четыре, трубка — Цэ-восемь! Огонь! — и изо всех сил ударил сучком в дно невыливайки. Раздался звон, и в расположение противника полетела густая струя чернил.

— Ой! Ой! Спасайте! — слышалось с той стороны.

— Прямое попадание, — скромно сказал Пешкин.

— Ура! — захлопала в ладоши Маша и принялась скакать на одной ноге.

Тотчас же «ура» послышалось с противоположной стороны.

— Наш десант действует! — сказал Пешкин и, схватив Колину ручку, бросился вперёд, выкрикивая: — За мной, в атаку! Вперёд!

Маша побежала следом за Пешкиным. Когда они примчались к месту расправы с Новичком, то офицера, коня и двух чёрных солдат уже не было. Они позорно бежали, бросив свою жертву.

Новичок стоял на пеньке, и у его ног лежал обломок ножа, которым собирались его расколоть на четыре части.

Он был цел и невредим, хотя и ранен чернильным снарядом в лоб и в нос. Но это было не страшно. Такие ранения можно встретить у многих учеников. И ничего — живут.

Новичок был готов ко всему. Но теперь ему не страшно было умирать. Перед ним была красавица Маша.

Новичок поднялся на ноги, смело посмотрел в глаза Пешкину и сказал:

— Ну, теперь я готов.

— К чему ты готов? — спросила Маша.

— Я готов умереть, ведь я ваш враг, я — чёрный солдат!

— Чёрный, говоришь? — улыбнулся Пешкин. — Это дело поправимое, — и толкнул Новичка в дождевую лужицу.

Вода в ней сразу потемнела. Когда Новичок вылез из воды, он стал совершенно неузнаваем. Чёрная акварельная краска смылась, и тело его приобрело цвет соснового дерева. Конечно, он ещё не стал таким, как Пешкин и другие генеральские солдаты, но чёрным он уже тоже не был.

— Bravo! Bravo! — радостно захлопала Маша в ладоши и, осмотрев Новичка с головы до ног, сказала: — Знаете, этот цвет вам больше к лицу!

Новичок опустил глаза и хотел поблагодарить Машу, но Пешкин опередил его:

— Не время. Впереди опасное дело!

И они пошли вперёд.

Маша держала за руки Пешкина и Новичка, а солдаты сзади несли Колину ручку, оружие, которое могло пригодиться в новом деле.

Новичок был счастлив. Он знал, что на его лбу и носу чернильные пятна, но это не смущало его. Может быть, по ним Маша догадается, что он поэт. Ведь все начинающие поэты пишут стихи чернилами, а старые печатают на машинке. Он крепко сжимал руку девочки и думал о том дне, когда сможет подарить ей свои первые стихи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

О том, как был спасён Пыжик, наказаны паук Лапоног и кот Василий

Когда вдали показалась мышеловка, Пешкин дал команду приближаться незаметно. И он не ошибся. Только они залегли в траву, как птицы подняли переполох:

— Идёт Идёт!

— Кот! Кот! — закудахтали куры.

Все приподняли головы и увидали, как над травой, изгибаясь, медленно плыл толстый хвост Василия. Только счастливый случай помог ему выбраться из чулана. У Колиной мамы сильно болела голова: у неё была болезнь, которая называется «мигрень»,

и при этой болезни ни в коем случае нельзя в доме мяукать. А Василий орал так громко, что слышно было даже на улице.

Мама искала крикуна под кроватями, под шкафом и, наконец, нашла его в чулане.

— Вон отсюда! Вон!.. — Она вышвырнула кота во двор.

Василию только это и нужно было. Он стал пробираться к мышеловке, медленно, с оглядкой, чтобы снова не попасть в какую-нибудь историю.

Как раз в это время Пешкин приготовился освободить пленника.

— Вперёд! — скомандовал он.

Шахматные солдаты и Маша бросились к мышеловке. Колиной ручкой рвали они паутину. Острое перо, как бритва, рассекало нити.

Когда мышеловка была освобождена от паутины, солдаты с разгона вклинили ручку между дверцей и стенкой мышеловки.

— Эх, раз, ещё раз! — кричали они, проталкивая ручку вперёд.

Пешкин вскочил в образовавшуюся щель и раздвинул её своим телом. Мышеловка скрипнула и открылась. Лапоног бросился вниз и уцепился всеми лапами за дверцу. Солдаты направили на него перо, чтобы раз и навсегда покончить с пауком. Но в это время послышался мощный гуд. Это шмель вырвался из паутины.

— Я шшам! Я шшам! — шипел он от злости. — Жжулик! Жжжулик! В жживот ему, в жживот!

Он жужжащей бомбой налетел на паука Лапонога и вонзил ему в брюхо острое ядовитое жало. Лапоног дёрнулся раз, другой и, скрестив лапы, запертво свалился на землю.

В ту же минуту чижихаи синица подхватили под крылья Пыжика и, подняв в воздух, усадили на самую высокую ветку дерева. Теперь ему ничего не угрожало. Пыжик был спасён.

В эту минуту мышонок Пик, забыв обо всякой опасности, выскочил из-за листика и чуть сам не угодил в мышеловку.

— Посторонись, братец! — сказал Пешкин. — А вы, солдаты, покрепче держите дверцу, чтобы раньше времени не захлопнулась.

Пик стал перед Пешкиным на задние лапы и спросил:

— А вы меня, дяденька Пешкин, узнали?

— А как же, узнал. Ты — Пик-мик или Мик-пик. Так, что ли?

— Так, так, — сказал мышонок и быстро-быстро закрутил носом. — Вы слышите, слышите: уже пахнет котом Василием! Он идёт сюда!

— Я твоему носу верю. Да только ты убирайся подальше, а то, не ровён час, угодишь коту в зубы.

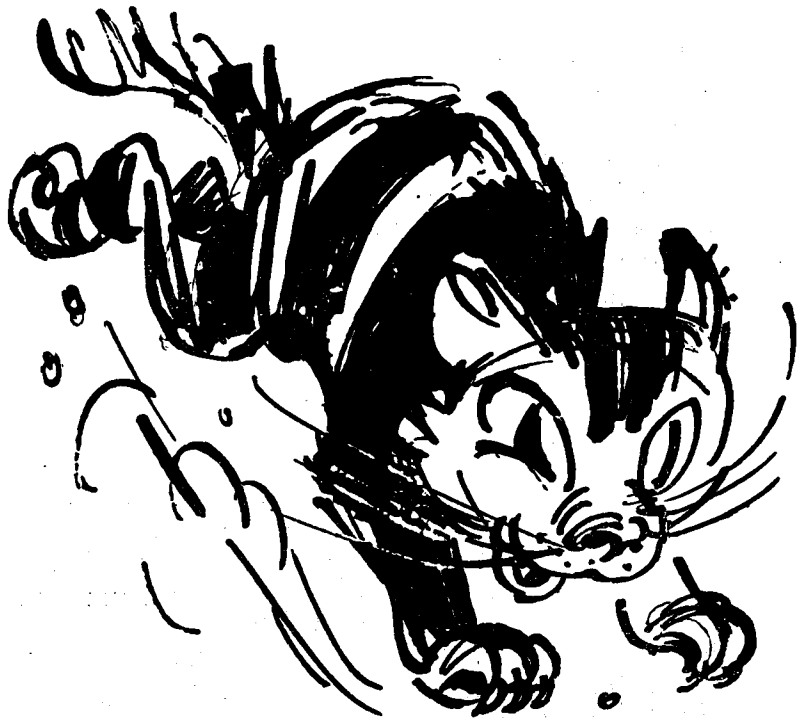
— А я не боюсь кота. Я хочу вам помочь с ним расправиться!

— Ишь ты какой! — удивился Пешкин, и в его голове тут же созрел хитроумный военный план. Он посмотрел на дрожащего мышонка и сказал: — Ладно, в обиду тебя не дадим. А если хочешь нам помочь, то выходи на дорожку. Появится кот Василий, покрути перед ним хвостом и лети прямо мимо мышеловки, мимо её открытой дверцы. Понял?

— По-о-онял, — стуча всеми зубами, ответил Пик и стал туда, куда приказал солдат.

— Все по местам! — распорядился Пешкин и сам спрятался за мышеловкой.

Кот Василий ещё издали почуял неладное. От-

бросив всякие опасения, он ринулся вперёд. Когда же в конце дорожки он увидел Пика, то от неожиданности стал на задние лапы и зашипел:

— А-а, и ты тут?! Вот я тебе сейчас!..

Но Пик полетел к мышеловке. Василий за ним. Когда кот пробежал мимо дверцы, Пешкин махнул рукой, и солдаты отпустили её. Дверца щёлкнула, и по всему саду прокатилось: «Мяу-у!»

Это мышеловка прихлопнула хвост Василию.

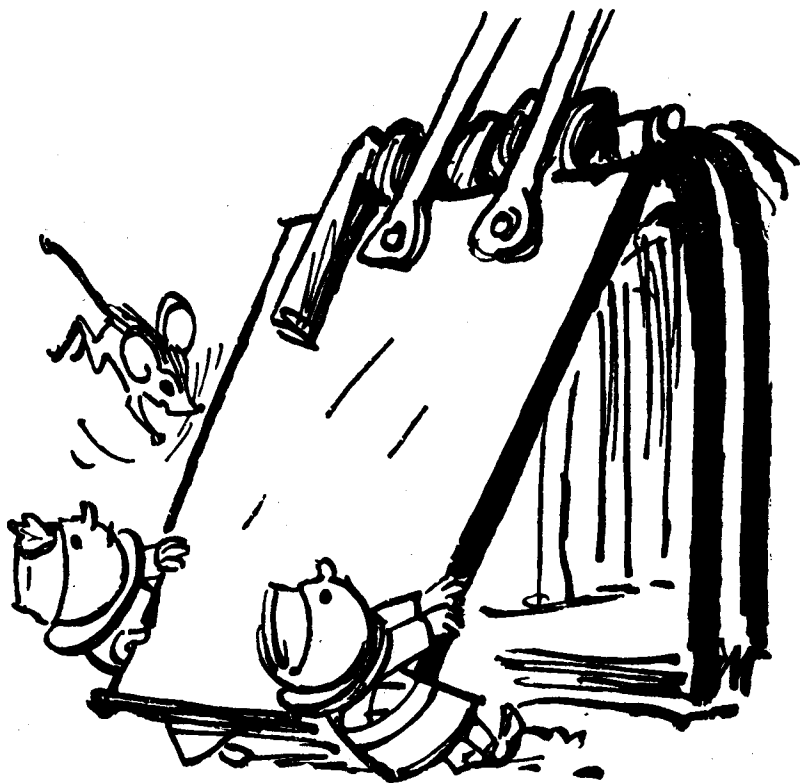
Загремело дружное «ура». Кот, злобно шипя, пытался высвободить свой хвост, но безуспешно. Пружина мышеловки была надёжной. Пик бесстрашно прыгал перед самым носом Василия.

— Так тебе, разбойнику, и надо! Ворюге — по заслуге! — сказал Пешкин и кольнул Василия пером в спину.

Кот жалобно замыкал и бросился бежать к дому. За ним, гремя, тащилась мышеловка.

Но и это ещё не конец истории. Ведь никто из вас не знает, чем завершилась война между армией чёрного короля Смоля и армией генерала.

Так узнайте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О том, каким торжеством был отмечен подвиг солдата Пешкина

Коля Пыжиков и Петя Петушков продолжали игру. Петя сдержал своё слово: играл честно и даже делал успехи. Но в комнате стало жарко, и ребята решили перейти в сад. Они положили шахматную доску на траву и снова расставили фигуры. Теперь на клетках белело много бумажек. Это были нарисованные фигуры, положенные взамен пропавших.

Игра была азартной, и ребята не замечали, что творится вокруг.

А в саду происходило необычайное.

Весть о спасении Пыжика и новых подвигах храброго солдата Пешкина облетела все кусты и унеслась далеко за пределы сада. Со всех концов слетались птицы, чтобы поздравить чижиху.

Пыжик сидел на ветке и с видом героя смотрел по сторонам. Ничего, пусть погордится. Придёт время, и ему будет стыдно даже вспоминать о своём «подвиге» и о том, что дружил с индюшонком. Зато можно с уверенностью сказать другое: это происшествие было наукой посильней, чем тысяча маминых предупреждений, вроде «туда нельзя!» или «этого не смей!»

Кроме того, это был полезный пример для многих птенцов. Разве вы теперь часто видите, чтобы птицы залетали в ваши окна? Нет!.. То-то же.

Но что было, то было. И торжество в саду продолжалось. Кто мог петь — пел, кто мог плясать — плясал. Храбрый Пешкин всё время танцевал с красавицей Машей-Ромашей, и все любовались чудесной парой.

Пляска была с запевками. Маша взмахивала платочком, лихо топала ножкой и, гордо проплывая мимо Пешкина, бросала в него лукавую частушку:

Пешкин, Пешкин, ты герой,
Ты, как статуя, не стой,
Не греми медалями —
Похрабрей видали мы.

Всякого воина задела бы такие слова, но Пешкин был не из тех, кто остаётся в долгу. И, мигом сочинив свою частушку, он в упор стрелял ею в Машу:

Эх ты, Маша-простокваша,
Как затянешь — звон в ушах;
Голосок мне твой не страшен,
Объявляю тебе я шах!

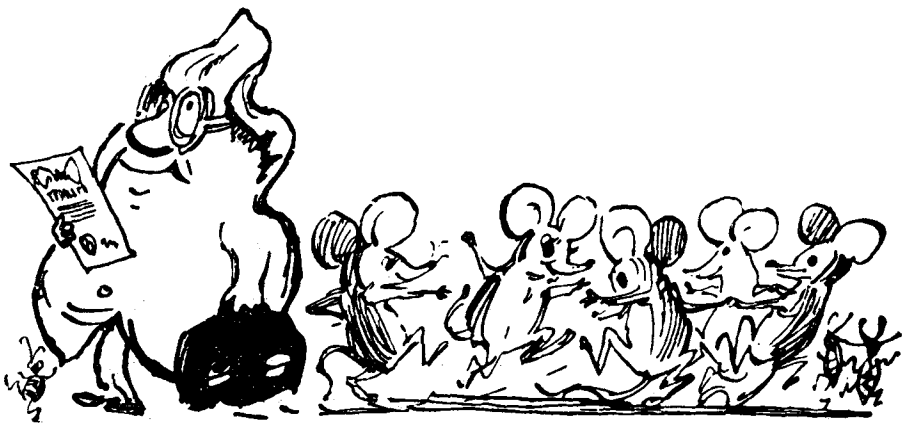

При этом он делал шаг вперёд, решительно брал Машу за руку и вёл её в следующий танец. Партнёром он был завидным: плясал легко, пристукивал каблучками и никому не наступал на ноги. Фигуры, которые он выделял, были не чем иным, как шахматными ходами. Они всех приводили в восторг, и каждый старался ему подражать. Когда же начался общий танец — сама собой возникла песенка:

Ну-ка, дружно станьте в ряд,
Спойте в лад,
Спойте в лад,
Шах вперёд и шах назад
Пляшет наш солдат.

Новичку тоже посчастливилось протанцевать с Машей один танец. Вот здесь-то он и прочитал ей свои стихи. Новичок теперь говорил только в рифму. Когда он приглашал Машу на танец, то поклонился и сказал:

Раз, два, три, четыре, пять —
Пошли, Маша, танцевать!

А Маша ему ответила:

Пожалуйста-
Можалуйста.

Новичок все свои стихи аккуратно нацарапал на берёзовых листиках и сшил в тетрадку, очень похожую на сборник настоящего поэта. На самом первом листике белыми буквами было написано слово «Ромашки» — название сборника, и все его стихи, от первого до последнего, были посвящены одной Маше-Ромаше. Он выбрал лучшее из стихотворений и нараспев, дрожащим голосом прочитал:

Ты мне всех цветов дороже,
И тебя красивей нет,
Даже солнышко похоже
На тебя, как твой портрет.

Ты не мямля, ты не плакса,
Не боишься ты мышей,
Ни одной чернильной кляксы
Нет на рожице твоей.

Последние две строчки, в которых говорилось о кляксах, были не совсем точными. После пальбы из невыливайки два больших синих пятна украсили Машин лоб и нос, но Новичок не видел клякс, ведь он смотрел ей прямо в глаза. Может быть, другим девочкам и понравились бы эти стихи, но Маша втайне считала себя мальчишкой, и поэтому ей больше понравились солдатские частушки Пешкина.

Однако настоящее веселье началось, когда явился сам генерал со своими адъютантами. Он поздоровался со всеми присутствующими за руку и подошёл прямо к Пешкину. Он произнёс короткую речь, обнял Пешкина, поблагодарил за службу и прикрепил к его груди медаль за геройство. Потом

попросил разрешения остаться на празднике, поскольку имел в запасе пару свободных минут.

Генерал сам был когда-то солдатом, поэтому не гнушался простой компании и, когда снова грянула музыка, пустился вприсядку.

Вскоре появились мыши: тётушка Усыша с мышатами. Их было тринадцать, и они танцевали танец, который назывался «тринадцать хвостов». Потом качали Пика и кричали ему «ура», потому что он тоже был героем.

Были тут и знаменитые ученые-педагоги крапива и лопух. Они хоть и продолжали отстаивать разные взгляды на воспитание, всё же в честь такого события наградили друг друга почётными грамотами.

Не было на этом веселье только индюка, по фамилии Берлыдуля-Берлыдан и индюшонка. Они считали, что это не их компания, и не явились. Впрочем, так всегда считают именно те, кого не приглашают в честное, хорошее общество.

Долго длилось в саду веселье. Здесь-то как раз, когда всё закончилось, и обнаружили недостающие фигуры Коля и Петя.

Фигуры были водворены на место, на шахматную доску, где и был завершён разгром армии короля Смоля.

Однако на доску вернулись не все. Не вернулся Новичок. После купания в луже цвет его стал другим, таким, как у всякой мокрой деревяшки. Да он теперь и сам не стал бы служить чёрному королю, даже если бы ему обещали генеральские погоны.

В шахматную гвардию генерала он тоже поступить не смог. Там все солдаты были в строю. Их

всего восемь, девятый — лишний. Поэтому Новичок был списан в запас до нужного часа. Он стал поэтом и пошёл на культурный фронт. Теперь он служил под началом книжной этажерки и заменял ей недостающую ножку.

Как только он приступил к своим обязанностям, этажерка перестала наклоняться, и вся её литература поднялась на должную высоту.

На этом и заканчивается вся история.

Знаю, теперь вы спросите, как я о ней узнал? Ведь для того чтобы быть свидетелем подобных приключений, нужно знать, откуда и как смотреть на вещи.

Отвечу.

Тот, кто рассказал вам эту историю, в дни знаменитых событий сам служил в шахматной гвардии генерала и находился при нём в должности адъютанта. Честное фантазёрское.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О тех, кто жил на письменном столе Коли Пыжикова 7

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шахматное царство-государство 9

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Как чиж спасал храброго солдата 13

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Каким наукам обучают в птичьих школах 19

ГЛАВА ПЯТАЯ

Почему Чижика называли Пыжиком, а Колю Пыжикова — Чижиком 22

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О том, как Пыжик учился летать 24

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пыжик знакомится с сыном важного индюка 32

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как выглядит человечесьё гнездо и что в нём произошло с Пыжиком 38

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, какую котовасию затеял кот Василий и о решительном мышонке Пике 42

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Почему на шахматной доске прекратились военные действия и как мышонкок Пик нашёл солдата Пешкина 48

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Храбрый солдат Пешкин отправляется в поход . 51

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Как шпионы подслушали секретный разговор Пика с Пешкиным и что из этого вышло 55

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как король наградил шпионов 56

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О старом связисте пауке Лапоноге 62

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Как, сидя в мышеловке, можно стать знаменитым 65

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О том, как прошло родительское собрание в птичьей школе 71

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О первом боевом задании солдата Новичка . . 76

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О том, как нечестно поступил конь со своим офицером 79

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О чём думал Новичок в разведке, о весёлой красавице Маше-Ромаше и целебных каплях «выпьюс-окрепнус» 86

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О том, как крот оказал офицеру медвежью услугу 92

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О том, как Новичок попал в сети паука Лапонога 96

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О том, какой бал закатил король Смоль и чем он закончился 99

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Как подчинённые короля Смоля судили Новичка 105

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О том, как был спасён Пыжик, наказаны пауки Лапоног и кот Василий 113

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О том, каким торжеством был отмечен подвиг солдата Пешкина 118

для младшего школьного возраста

Чеповецкий Ефим Петрович
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАХМАТНОГО
СОЛДАТА ПЕШКИНА

Ответственный редактор
С. Е. Миримский.

Художественный редактор
Н. Г. Холодовская.

Технические редакторы
С. К. Пущкова и
Т. В. Перцева.

Корректора
Н. И. Баллод и Л. И. Гусева

Сдано в набор 24/VI 1961 г. Подпи-
сано к печати 13/XI 1961 г.

Формат $60 \times 84\frac{1}{16}$ — 8 печ. л. = 7,44
усл. печ. л. (5,38 уч.-изд. л.).

Тираж 165 000 экз. Цена 29 коп.

Детгиз.

Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.

Москва, Сущевский вал, 49.

Заказ № 1050.